ПРИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган Федерации об'единений советских писателей РСФСР

№ 31 (199) 5 ИЮЛЯ 1932 г. Цена 10 к.

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

1 страница

ЛЭНГСТОН ХЬЮЗ—негритянский поэт

И ЖИГА—Литературное дело превратить в часть общепролетарского дела

Письмо из Ленинграда

2 страница

Т. ДРАЙЗЕР—Япония и война

И. АНИСИМОВ—Народ пророков и знахарей

3 страница

ИЗ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОШЛОГО. М. Е. Салтыков-Щедрин. Документы. Письма.

Д. ЗАСЛАВСКИЙ—Драма одиночества

4 страница

Письма читателей

П. БЕРЕЗОВ—Нашим бойцам—нашу песню

ПОД РЕДАКЦИЕЙ: Э. Багрицкого, З. Динамова, М. Кольцова, Е. Лидина, А. Селивановского, И. Сельвинского, М. Субоцкого, М. Серебрянского, Е. Усиевич.

Литературное дело
превратить в часть общепролетарского дела

ЦК ВКП(б) в своем постановлении от 23 апреля о перестройке литературно-художественных организаций указывает, что «за последние годы на основе значительных успехов социалистического строительства достигнут большой как количественный, так и качественный рост литературы и искусства... успели уже вырасти кадры пролетарской литературы, искусства, выдвинулись новые писатели и художники с заводов, фабрик и колхозов».

Это можно иллюстрировать фамилиями целого ряда вырастающих талантливых поэтов и писателей, вышедших непосредственно из среды рабочих и колхозников и занявших определенное место в большой советской литературе; это подтверждается высоким уже многочисленным литературным активом на предприятиях и в районах. Имеется огромный положительный опыт массовых литературных организаций бывших РАПП, ВОАПП и таких организаций, как РОПКИ и ЛОКАФ. И все-таки мы должны решительно выявить те недостатки в работе этих организаций, на которые указано в постановлении ЦК ВКП(б).

Новый союз советских писателей должен обеспечить правильное литературно-художественное воспитание группы в литературу рабочих и колхозников, правильно организовать их литературную учебу, поставить ее на высокий идейный и литературный уровень. Естественно поэтому, что мы должны теперь же приступить к изучению опыта работы литкружков в прошлом, чтобы, учтя как положительные стороны, так и недостатки, найти практический путь перестройки и развертывания их работы.

Комиссия оргкомитета по руководству литературными кружками обследовала работу всех литкружков на предприятиях Москвы и некоторых районов Московской обл. Обследование с предельной ясностью показало три основных недостатка, тормозивших развертывание творческой деятельности начинающих рабочих-авторов. Установлено, что за редким исключением литкружки были недостаточно связаны с партийными, комсомольскими и профессиональными организациями. Они находились вне системы партийно-массовой работы на предприятиях. В иных случаях они были оторваны даже от фабрично-заводских газет и, стало быть, от конкретных задач социалистического строительства. Работою МАПП нам не работало и по-настоящему слабо. Центральное бюро МАПП не могли достаточно полно и конкретно руководить кружками. Между тем кружки возникали почти на каждом предприятии. Нехватало руководителей, не было практической помощи—и кружки замирали. В результате из 91 кружка, числящихся по списку МАПП, при проверке оказалось более или менее регулярно собирающихся только 42. Но даже из этих кружков многие действовали без всякой помощи и руководства со стороны МАПП. В некоторых кружках представители МАПП не появлялись в течение года. В Сталинском районе, например, остался только один кружок.

Занятия кружков проходили по выработанной программе и планам МАПП, в которых преобладали такие вопросы, как решения пленумов РАПП, различные рапповские документы. В этих условиях непосредственно творческой учебе уделялось мало внимания. Отсюда отрыв кружков от текущих задач социалистического строительства, слабая связь с фабрично-заводскими газетами, отсутствие выявления талантливых людей из среды рабочих-авторов. Творческие консультации носили случайный характер, а в ряде кружков совершенно отсутствовали. Такое положение создавалось и в кружках, руководимых партийными, комсомольскими и профессиональными организациями.

Вторым недостатком, целиком вытекающим из первого, была чрезвычайно слабая связь с широкими рабочими массами своего предприятия. Известно, что на заводах «Серп и молот» например, из 2 тыс. (!) человек, охваченных массовой литературной работой, только 30 человек являются членами кружков. Более активно выявляются почти в каждом кружке. Наоборот, те кружки, которые ближе связывались с заводской общественностью, с заводскими газетами, откликались на политические задачи, выдвигаемые партией, и помогали заводским организациям бороться за осуществление этих задач на своем предприятии — эти кружки оказались наиболее жизнеспособными и литературно-плодотворными. Они подготовили в своей среде талантливых молодых поэтов и прозаиков горячих назвал «Серп и молот», завода им. Сталина, объединения рабочих-авторов профгазет и журналов и др.).

Мы не хотим сказать, что МАПП и РАПП сознательно вели линию на отрыв рабочих литкружков от партийного руководства и конкретных задач социалистического строительства. Наоборот, в резолюциях и в речах руководителей РАПП всегда подчеркивалась необходимость тесной связи литкружков с политической жизнью предприятий. Сам по себе призыв ударников в литературу как-будто ограничивал и правильной творческой установки, о желании превратить литкружки в массовые литературные организации. Но призыв, провозглашенный как кампания, не был закреплен, не был обеспечен соответствующей перестройкой литкружков, вовлекающей в самого существа призыва. Таким образом, кружки во были развернуты в систему массовой партийной работы на предприятиях.

И получалось так, что правильная по существу установка не давала желаемых результатов.

ЦК ВКП(б) в своем постановлении указал, что «рамки существующих пролетарских литературно-художественных организаций (ВОАПП, РАПП, РАПМ и др.) становятся уже узкими и тормозят серьезный размах художественного творчества. Это обстоятельство создает опасность превращения этих организаций из средства наибольшей мобилизации советских писателей и художников вокруг задач социалистического строительства в средство культивирования кружковой замкнутости, отрыва от политических задач современности и от значительных групп писателей и художников, сочувствующих социалистическому строительству. Отсюда необходимость соответствующей перестройки литературно-художественных организаций и расширение базы их работы».

По какой же линии должны идти перестройка и развертывание работы?

В первую очередь нужно ликвидировать разрыв между целями и задачами литературного кружка и политическими задачами пролетарских организаций на предприятии. Литкружки должны превратить свое литературное дело в общепролетарское дело, должны охватить всех рабочих масс, систему подойти к работе печатных и стенных газет, усилить и сами ряды новых и новых рабочих, желающих испытать свои силы в той или иной области литературного творчества. Прием ударников должен продолжаться, но за немедленным приемом, а лучше вместо такового должна быть поставлена повседневная работа над воспитанием и обучением идущих в литературу рабочих. Нужно добиться того, чтобы в кружки шли не только те, кто хочет «писать стихи», но и те, кто хочет овладеть литературой, но, в художественные работой кружка, вернее связь с литературным движением.

Расширяя, увеличивая свои ряды, кружки должны одновременно дифференцировать свою работу в соответствии с наличием сил и возможностей. В кружке надо поставить работу так, чтобы уже начинающиеся товарищи находили путь дальнейшего повышения своей литературной квалификации, а только начинающие были обеспечены соответствующим вниманием и учебой. Надо решительно поставить вопрос о развитии в кружках всех видов литературного творчества, всех жанров, больших и так называемых «малых» форм рабочей критики, отзывов на политические книги, на просмотренные пьесы, кинокартины и т. д. Эту работу кружков должны подхватить фабрично-заводские печатные газеты, профсоюзные журналы и вообще вся наша печать рабочая печать.

В свою очередь заводские партийные, комсомольские и профессиональные организации должны больше уделять внимания литературным кружкам на предприятии, руководить ими политически, обеспечивать нормальную обстановку их работы, помогать материальными средствами, поднять кружки в общем-организационную работу их предприятия. В этом отношении прекрасный почин делает МОПК. Вышел решение, обязывающее фабзавкомы уделить больше внимания литкружкам и, в частности, изыскать средства для оплаты руководителей литкружков. Сталинский районный комитет партии специально созывал районный партактив для обсуждения решения ЦК о перестройке литературно-художественных организаций. Вероятно, это сделают и другие парткомитеты, ибо решение ЦК, конечно, нельзя считать относящимся лишь к литературным организациям.

«Литературное дело есть часть общепролетарского дела» — говорил Ленин. К этому общепролетарскому делу нужно и относиться соответствующим образом.

Оргкомитет союза советских писателей принимает все меры к тому, чтобы обеспечить литкружки руководителями, наладить дифференцированную учебу и воспитание кружковцев, обеспечить непрерывный творческий рост каждому кружковцу через индивидуализацию литературного кабинета путем творческих собраний, вовлечения в работу с кружковцами всех писателей мастеров слова. Но ясно, что без руководства со стороны партийных организаций, без комсомольских и профсоюзных организаций работа этой в полной мере выполнена не будет. Здесь нужны согласованные, обдуманные, плановые воздействия. Нужно добиться такого положения, чтобы литкружки были вовлечены в общемассовую политическую и культурную работу на предприятии и в то же время не терпели своей литературной особенности.

Наряду с партийно-массовой работой, наряду с политическим воспитанием писателя нужно итти и художественное их воспитание, овладение ими литературной техникой на конкретном материале социалистического строительства.

Только в такой всесторонней согласованной работе залог подлинной перестройки литературно-художественных организаций на предприятиях. Только это расширит базу их работы и даст толчок к новому, невиданному еще в истории расцвету советской социалистической художественной литературы.

И. ЖИГА

ОТ РЕДАКЦИИ: Приступая к регулярному освещению опыта перестройки и развертывания работы литературных кружков на предприятиях, в совхозах, колхозах и в Красной армии, редакция ждет от всех оргкомитетов и литературных кружков писем и статей, освещающих опыт их работы и перестройки в соответствии с решением ЦК ВКП(б) от 23 апреля.

Лэнгстон Хьюз

С ГРУППОЙ КИНОАРТИСТОВ-НЕГРОВ, КОТОРЫЕ ПРИМУТ УЧАСТИЕ В КАРТИНЕ МЕЖРАБПОМФИЛЬМА «ЧЕРНЫЕ И БЕЛЫЕ», В МОСКВУ ПРИБЫЛ ИЗВЕСТНЫЙ НЕГРИТЯНСКИЙ ПОЭТ ЛЭНГСТОН ХЬЮЗ.

ХЬЮЗ ЯВЛЯЕТСЯ АВТОРОМ НЕСКОЛЬКИХ КНИГ СТИХОВ. В ДАННОЕ ВРЕМЯ В ГИХЛ ПЕЧАТАЕТСЯ ЕГО ПЕРВЫЙ РОМАН «СМЕХ СКВОЗЬ СЛЕЗЫ».

ЛЭНГСТОН ХЬЮЗ ЯВЛЯЕТСЯ ОДНИМ ИЗ ВИДНЕЙШИХ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПОЭТОВ АМЕРИКИ. ОН ПОСТОЯННО СОТРУДНИЧАЕТ В НЬЮ-ЙОРКСКОМ ЖУРНАЛЕ «НЬЮ-МЕССЭС», РЕДАКТИРУЕМОМ МАЙКЛ ГОЛДОМ.

В ДРАМАТИЧЕСКОЙ МИНИАТЮРЕ «СКОТТСБОРО-ЭКСПРЕСС», КОТОРАЯ ШЛА С БОЛЬШИМ УСПЕХОМ В КЛУБЕ ДЖОН РИД, ХЬЮЗ РАЗВЕНЧАЛ «ДЕМОКРАТИЮ» САСШ.

Лэнгстон Хьюз

Призыв к творчеству

Эй, ты!
Делатель красоты!
Брось красоту на минуту,
Надо грубить, надо боль мять,
Жизнь снять увидеть,
Плач детей,
Ложь богатых людей
И в Китае миллионы голодных
смертей,
И на востоке гром.
«Несмотря на все,
Жизнь должна жить».
В Индии, у которой сложены руки,
В Китае, над которым висят пушки,
В Африке, у которой улыбка
горька,
Тот же шепот:
«Несмотря на все,
Жизнь должна жить».
Пусть жирные захотят
Грабительский мир свой провозгласить.
Этот мир только для смерти
пригоден
Оттого, что лучше смерть,
Чем крик: «Я свободен»
В себе подавить.
Эй, ты!
Ничтожный делатель красоты.
С теми, кто рушит, поработай-ка
ты!
С теми, кто строит, пройди в ногу
ты,
Красоте—быть!

Устал

Я так устал ожидаться
А ты, разве нет?
Покуда мир станет честным,
Хорошим, добрым...
Давай, возьмем ножи,
Разрежем мир пополам.
Посмотрим, какие черви
Точат его кору.

Песнь

Железнодорожный мост
Висит сложно грустных песнь,
Железнодорожный мост
Висит сложно грустная песнь,
И когда там идут поезда,
Не могу оставаться здесь.

И тогда я иду на вокзал,
И сердце, как ком во рту,
И тогда я иду на вокзал,
И сердце, как ком во рту,
И тогда я ищу взгляд,
Который идет на не.

Тоска по родине—это, знать,
Очень тяжелый груз,
Тоска по родине—это, знать,
Очень тяжелый груз.
И тогда, чтобы слезы сдержать
Открываю рот—и смеюсь.

***

240000 эфиопских негров
Работают в шахтах Петербурга,
Какие тут еще писать стихи?
240000 негров в шахтах Петербурга...

Вариации танца

Закинуть руки вверх,
И солнцу куда-нибудь,
И целый день плясать
И после отдохнуть:
И будет вечер свежим,
Как свежие тополя,
И ночь придет тихо,
Темна, как я.
Вот мой сон.
Закинуть руки вверх—
К солнцу их на грудь.
Пляс! Жги! Жги!
И после—отдохнуть:
И будет вечер бледен,
Как стройные тополя.
И ночь придет нежна,
Черна, как я.

Негритянское гетто

Я посмотрел в их черные лица
И увидал вот что:
Ветер, замкнутый в плоть,
Солнце, закованное в закон.
И я сделал, как они,
Словно вода, тек по дорогам,
И меня заполонило вот что:
Их слишком робкие ноги.

Тоскливая песнь

Бубны на древний, отмирающий лад.
Он перед роялем расчищался вперед, назад,

Так, я видел, недр перед
На Ленокс-авеню вечером вчера
В бледном свете газового фонаря.

Он качнулся вперед,
Качнулся назад,
Черные руки на клавишах лежат,
Из рояля грусть вытрясть хочет.

О, тоска песни!

Он качнется назад, он качнется вперед,
В горле старинная песнь живет.
О, сладкая тоска песни,
Когда сердце негра распахнет
Песнь!

Он тих, и голос его был глубок,
И хрипел рояль, переживший свой
срок.

Я ведь очень одинок,
Кровь, как и себе, найти куда?
Полку я прибью под потолок,
Потому печаль свою туда.

Туш... туш... туш—пока выбивает
такт.
И опять аккорд, и все тот же такт.

У меня теперь тоска,
Ни на что не хочу смотреть,
У меня теперь тоска,
Ни на что не могу смотреть,
И мне хочется умереть.

И до поздней ночи он как жужжал.
Вышли звезды и луна всошла.

Наконец он встал и пошел в постель,
Но тот же напев звенел в голове,
И он спал, как спала или тот, кто
давно в земле.

Гордость

Пусть кто хочет
Ест хлеб отъда.
Я не могу
Быть кто без какой. Я дикий.
В своем горле тупую ее горечь
И скушаю до дна
Что яда.

***

За мой честный труд
Вы дали мне нищенскую плату,

Лэнгстон Хьюз

За мои честные мечты
Вы плюете мне в лицо.
Вот вам мой кулак;
Он еще сжат,
Но он хочет стать сильным,
Чтобы дать вам по лицу.

Некоторым негритянским вождям

Голос вопиющего в пустыне
Но стольку-то за слово
От белых:
«Неритосы,
Будьте послушны и скромны
И не плачьте
Слишком громко...»

В христианской стране

Бог дремлет в одной из дальних келий,
В руках у него бутылка джина.
Пойте-ка сюда, бог, я
Борюсь, как мужчина

Негритянским детям

— Это оттого, что вы молоды.
Вы не понимаете...
Но мы стары,
Как деревья, которые
Отцвели в джунглях,
Как рекой, которые
Ушли в землю.
Мы знаем больше, чем вы...

Я радость жизни,
И беспечность вещей.

Вы слишком молоды, чтоб понять это.
Вы построили еще одно небоскреб,
Задевающий звезды,
А мы сидим, прислонясь к дорогам,
И следим, как небоскребы падают,
Как звезды вспыхнут свой собственный
свет...

Соломоны построил храм,
И этот храм рухнул
И его больше нет на земле.
Мы стары, мы знаем вещи,
О которых вы не подозреваете...

Перевод Ю. Анненкова.

Книгу — деревне

За последние четыре дня Москва дала еще 599 тысяч книг для деревни. На сегодня по всем районам Москвы собрано 2.799 тысяч книг. Дзержинский район уступил первое место Октябрьскому, за четыре дня удвоившему цифру сбора и давшему 300 тысяч книг. На втором месте идет Дзержинский район (542 тысячи книг), за ним идет Фрунзенский (305 тысяч), Ленинский (235 тысяч), Замоскворецкий (210 тысяч), Бауманский (200 тысяч), Сталинский (145 тысяч), Краснопресненский (132 тысячи), Сокольнический (120 тысяч). На последнем месте попрежнему стоит Пролетарский район, давший всего 110 тысяч книг.

Общая цифра собранных книг приближается к 3 миллионам. Казалось бы, что результаты кампании по Москве вполне удовлетворительны, в особенности, если сравнить ход работы с другими местами. Фактически же дело обстоит не так уж блестяще. Ориентировочная контрольная цифра для Москвы, намеченная горкомом ВЛКСМ,—10 миллионов. До них еще очень далеко. А между тем основной срок подходит к концу, и работа переходит во вторую стадию — контроль исполнения. Горком ВЛКСМ собирает сведения по ячейкам путем опроса на места своих бригад. Первые же проверки показали, что застрявшие книг на склады тормозятся из-за недостатка транспортных средств. Не располагая своими средствами, ячейки по сбору вынуждены просить районных транспортных и хозяйственных организаций, которые далеко не всегда идут им навстречу.

Сейчас основная работа сводится уже не к сбору, а к предварительному отбору книг. Сокольнический район провел эту работу с первого дня сбора по мере поступления книг. В других же районах эта работа затормозила доставку книг на базы, где должен производиться окончательный отбор годных книг.

Биографии великих людей

По инициативе М. Горького решено приступить к изданию особой серии книг, посвященных биографиям выдающихся исторических деятелей науки, техники, политики, литературы, искусства и других отраслей культуры.

Главная задача издания — дать возможно дробный марксистский анализ той социальной среды, в которой великим людям приходилось жить и работать; показать их упорную и самоотверженную работу; выяснить различие положения человеческой личности в эпоху локалистических и капиталистических отношений и в период строительства социализма.

Серии будет ориентироваться на передовые слои рабочих, студенчество и актив нашего строительства.

Средний объем каждого отдельного выпуска—10 авторских листов, тираж — 50 тыс. экз.

Издание будет снабжено иллюстрациями бытового и научного характера.

Серию предполагается издавать периодически с таким расчетом, чтобы ежемесячно выходило 2-3 отдельных выпуска. В 1932 году предположено подготовить к печати и выпуску первые 4—6 названий.

Серия содержит 13 разделов: математика, астрономия, механика; техника машиностроения и изобретения; физика; химия; естественные науки — биология; медицина; география и путешествия; строительное искусство; литература; музыка, изоискусство; театр; общественные деятели.

В списке биографий, намеченных к выпуску в 1933 году, мы встречаем имена Гутенберга, Дизеля, Эдисона, Лавуазье, Лаплана, Тамирязева, Кука, Робеспьера, Либкнехта, Жолибоа, Бабефа, Чернышевского. Легализация Нотр-Дам литературы включение биографии Гете, Байрона, Гейне, Цекельгал, Мельера, Свифта, Флобера, Золя, Лермонтова, Гоголя, Бернарде и Вольтера.

В качестве редакторов к работе привлечены профессор О. Ю. Шмидт, академик С. И. Вавилов, профессора Е. М. Гессен, В. М. Свердлов, академик А. М. Фрумкин, профессор А. П. Пинкевич, В. А. Семашко, Н. В. Крыленко, проф. И. Э. Гольварь, Л. Б. Каменев, М. Горький М. Кольцов, А. В. Луначарский.

Состав ответственной редакции — А. М. Горький, Л. Б. Каменев, М. Е. Кольцов и А. Н. Тихонов.

Письмо из Ленинграда

Текущие дела

(От нашего корреспондента)

Еще несколько лет назад редкие афиши сообщали о случайных литературных вечерах в Кочкином зале ленинградской Филармонии. Литературные вечера на эстраде Филармонии и теперь редки, но на площадках рабочих клубов, в рабочих библиотеках, в домах культуры писатели бывают частые гости.

Организацией литературных докладов и творческих вечеров в Ленинграде занимаются многие учреждения, вплоть до ГОНО и «Общества камерной музыки». Занимаются много и «частники», давно проходимцы, спекулирующие на искреннем интересе широких своей трудящихся к художественной литературе.

Недавно в ленинградскую Федерацию писателей вошли всякие выяснения, организовавший серию вечеров «Запад по литературе». На рассмотрение коллегии было, что, будучи по профессии «весьма средним», немецкого языка, «не рекомендовал читать» любимейшего и всеми читаемого им умершую шведскую писательницу Сельму Лагерлеф и Томаса Манна. Вот такие-то люди и занимаются организацией литературных вечеров.

Ещё несколько лет назад редкие афиши сообщали о случайных литературных вечерах в Кочкином зале ленинградской Филармонии. Литературные вечера на эстраде Филармонии и теперь редки, но на площадках рабочих клубов, в рабочих библиотеках, в домах культуры писатели бывают частые гости.

Организацией литературных докладов и творческих вечеров в Ленинграде занимаются многие учреждения, вплоть до ГОНО и «Общества камерной музыки». Занимаются много и «частники», давно проходимцы, спекулирующие на искреннем интересе широких своей трудящихся к художественной литературе.

Недавно в ленинградскую Федерацию писателей вошли всякие выяснения, организовавший серию вечеров «Запад по литературе». На рассмотрение коллегии было, что, будучи по профессии «весьма средним», немецкого языка, «не рекомендовал читать» любимейшего и всеми читаемого им умершую шведскую писательницу Сельму Лагерлеф и Томаса Манна. Вот такие-то люди и занимаются организацией литературных вечеров.

Сейчас надо во всю ширь поставить вопрос о перестройке литературно-массовой части работы, которая отражала в себе все литературно-политические ошибки. Литбюро в некоторых случаях превращалось в пропагандиста ошибочных лозунгов, например, такого лозунга, как «союзник или враг».

Вопрос о дальнейшем существовании литбюро обсуждался на президиуме и пленуме правления ленинградского отделения. Считая необходимым сохранение и расширение литбюро, оргкомитет выдвинул ряд предложений об укреплении его более квалифицированными кадрами литпродвижников и сплочении вокруг него всего писательского актива. Литбюро должно быть не только творческой организацией писателей, но, по выражению тт. Козакова и Бауэ, агитпроном оргкомитета. Оно должно увязывать шефскую работу художников с литературой, с творческой жизнью литературного Ленинграда.

***

На расширенном заседании секретариата ЛенОблЛОКАФ А. Дмитриев сделал сообщение о намечающихся организационных формах вхождения ЛОКАФ в единый союз советских писателей.

Обсуждая это сообщение, члены секретариата подчеркнули, что сейчас не может стоять вопроса о существовании ЛОКАФ в виде самостоятельной организации. Это противоречило бы постановлению ЦК о перестройке литературно-художественных организаций. Предполагающаяся организация внутри единого союза писателей секции или бюро критиков, работающих на оборону страны, надо всемерно приветствовать. В настоящее время творческий актив ЛОКАФ состоит из краснофлотских писателей и отдельных гражданских писателей (Лавренев, Тихонов, Козбальев и др.). Слияние ЛОКАФ с союзом писателей даст оборонной литературе разные кадры квалифицированных писателей. Вместе с тем писатели, работающие сейчас над оборонной тематикой, разгрузятся от организационной работы, занимавшей при существовании отдельного об'единения много времени.

— Перед нами,—заявил т. Свирин,—стоит задача полностью повернуться лицом к творчеству, укрепить работу журналов, развернуть творческие собрания и совещания. Живая плодотворная работа локафовцев в союзе писателей поможет союзу в использовании им заслуженного авторитета.

***

Выделено временное бюро по организации национальных писателей (в бюро вошли тт. Олесич, Хольме, Тройне, Хедстие и Выгодский). До сих пор литорганизацией (кроме ЛАПП) была охвачена только часть писателей-националов (украинцев, эстонцев, латышей, поляков, финнов, белорусов), работающих в Ленинграде и области. В ближайшее время созывается собрание актива всех национальных писателей.

За рубежом

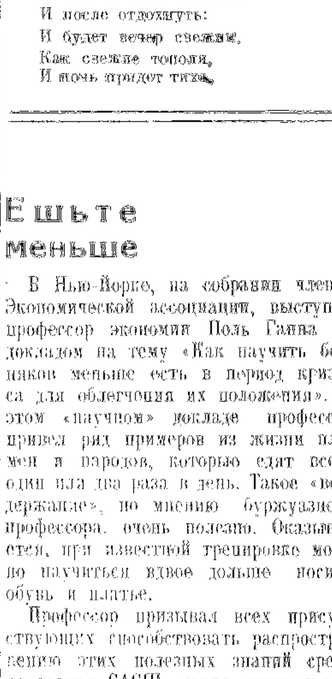
Ешьте меньше

В Нью-Йорке, на собрании членов Экономической ассоциации, выступил профессор экономии Поль Гэмма с докладом на тему «Как научить бедняков меньше есть в период кризиса для облегчения их положения». В этом «научном» докладе профессор привел ряд примеров из жизни племен и народов, которые едят всего один или два раза в день. Такое «воздержание», по мнению буржуазного профессора, очень полезно. Оказывается, при известной тренировке можно научиться вдвое дольше носить обувь и платье.

Профессор призывал всех присутствующих способствовать распространению этих полезных знаний среди населения САСШ, введя специально уроки «экономии» в школах и университетах.

Буржуазная тематика

На международной выставке картин в Питтсбурге первую премию получил американский художник. Аллен за картину «Самоубийство клоуна». Картина необыкновенно мрачна и сугубо натуралистическими приемами изображает местного клоуна с искаженными чертами лица, сжимающего в руке дымящийся револьвер. Картина привлекла всеобщее внимание.



„На выставке"—рис. худ. Гроппер. Из журнала „Нью Мессес"

Отголоски обезьяньего процесса

В газете миннезотского университета «Миннезота дейли» помещено следующее объявление: «Эволюция — наука шарлатанская. Она не считается с человеком, но считается с цивилизацией, не учитывает природные явления. Случайте доктора В. Б. Райлей, проповедника библейской церкви. В воскресенье вечером в 7 часов, лекция с демонстрацией так называемых эволюционных диапозитивов. 500 мест забронировано за студентами. Маленькая Дорети Дэвисон споет популярную песенку «Обезьяны мне не родственники».

Божий человек

В местной газете Крауфордсвилля (штат Индиана) напечатано следующее объявление: «Преподобный отец Дж. А. Бик, 71 года, заявляет, что он готов жениться на любой женщине одного с ним возраста, если она вручит ему премию в 2.000 долларов за примерный образ жизни. Преподобный отец Бик готов представить письменные доказательства, что он прочел Новый завет 112 раз от начала до конца».

Философия и чревовещание

Местный корреспондент города Ньюбери (штат Висконсин) пишет в газету «Чикаго геральд телеграмм»:

На-днях сюда приезжал доктор философии висконсинского и чикагского университетов Д. Х. Дойль, лектор и педагог. Он выступил перед учениками местной школы с докладом на тему «Почему некоторым в жизни везет, а другим не везет, после чего собрал всех учащихся в гимнастическом зале и выступил в роли чревовещателя.

„Газ"—рис. худ. Филь Бард Из журнала „Нью Мессес"

Механизация религии

Новая часовня на Диллон-Хилл при университете им. богородицы штата Индиана, США, оборудована по последнему слову техники. Исповедальня снабжена красными и зелеными сигнальными огнями, как светофоры на улицах. Красный цвет показывает, что кто-то исповедуется, а зеленый,—что священник свободен. Сигнализация действует автоматически, когда исповедующийся становится на колени или встает.

Зубы Д'Аннунцио

Во время благотворительного базара, устроенного в Милане, писатель Габриэль д'Аннунцио был продан аукциона один из своих зубов в роскошном серебряном футляре. На футляре — «реликвии» латинская надпись: «Вуду жить вечно».

Зуб был продан за... 3.000 лир.

НА фабриках книги

❖ «Писатели—Великому Октябрю». Под таким названием сектор современной литературы ГИХЛ выпускает к XV годовщине Октября сборник новых произведений художественной литературы. Большая часть материалов уже поступила от авторов и одна из корректур. В сборнике участвуют: И. Бабель — новый индустриальный рассказ, А. Веселый—«Прорыв» (отрывок из романа «Сестры»), Н. Огнев—«Конец и начало» (отрывок из романа «Три измерения Калерии Ланской»), В. Инбер—новый рассказ, Вс. Иванов—новый рассказ, В. Лидин—«Повесть о случае», А. Свирский—«Замыслы» (отрывок из романа «Рассказ»), Л. Сейфулина (отрывок из романа «Виринея»), Н. Тихонов—новый рассказ, Б. Лавренев—новый рассказ, А. Митрофанов—«Песня о любимой» (отрывок из романа «Семеркины»), Ш. Сосласкан—«Река рек» (о Волго-Доне), К. Фединов «Стирики», М. Залка—«Весть о звезде» (отрывок из романа «Кометы возвращаются»), А. Караваева—отрывок из повести «Ваня и человек», Вл. Бахметьев—«Завод».

❖ Проза Б. Пастернака собрана в одном сборнике, который будет выпущен сектором современной литературы ГИХЛ.

❖ В сборнике «Иностранные писатели об СССР», выпускаемом сектором иностранной литературы ГИХЛ к XV годовщине Октября, будут помещены материалы: Э. Олдриджа, Г. Уэллса, Дж. Рида, Т. Драйзера, С. Цвейга, Б. Шоу, Дж. Дос Пассоса, М. Годт, А. Нейсе, Б. Беллерманна, Ч. Гаррисона, Э. Глендра, Б. Брехта, Р. Генриха, И. Бехера, Эпальм. Тюлена, Л. Бибковой и др. Сборник займет с предисловием около отдельных из творчестве.

Инст. эпп. Гос. фонд. в Ленинграде

ПАРАД пророков и ...ареев

Всеобщий кризис капитализма развертывается все дальше и глубже, поражая все страны капиталистического мира, — он захватил в свои тиски и Францию, «главного победителя» в империалистической войне, империализм, чудовищно наживающийся на бойне. Франция, слегавшаяся после войны гегемоном европейского империализма, дольше других стран сопротивлялась разлагающему влиянию кризиса. Еще недавно выступали пророки французской «исключительности» и французского «процветания». Теперь они молчат. Теперь во множестве появляются лекари и знахари капитализма, предлагающие рецепты избавления от кризиса. Появляются пророки, возвещающие близкую гибель капитализма. Очень ярко в этих выступлениях раскрывается загнивание капитализма. Вместе с тем эти выступления представляют попытку наметить пути «спасения капитализма», найти капиталистический выход из кризиса. Пророки гибели капитализма являются пророками новой войны, борьбы с революционной угрозой, пророками интервенции против СССР, пророками фашизации, открытого наступления на рабочий класс.

Престарелый Бергсон выпустил книгу «Два источника морали и религии», которую известный французский критик Брюнетьер метко назвал «гимном обездаленным буттиям». Вослед за Шпенглером, Чезом и другими философами, напевающейся гибели капитализма охвачен ужасом перед технической культурой современного мира, его книга пронизана страхом перед машиной. Бергсон принимает человечество в упрощению своей жизни, к отказу от «механического наступления». «Человечество должно с таким же неистовством вернуться за упрощение своей жизни, с каким оно усложнило ее до сих пор». «Самым существом своим человек предназначен к гораздо более скромной жизни. Инстинктивное отвращение к новшествам доказывает это». Из тезиса вопринятия к природе, вегетарианство, Бергсон делает усовершенствованного бога. Дело Сора говорит об этих высоконачительных опытах так: «Устарела католическая догматика; положение не может оставаться прежним... Время указывает новый путь. Его катехизисы даже безбожникам могут принять сочувственно».

От «богостроительства», в которое ударились прожженные империалистические политики, личем не отличается «экономическое», «научное» шаманство какого-нибудь Робера Кана, претендующего «отыскать истинную причину современного кризиса».

«Мир уже несколько лет болен», — восклицает Кан, — спасите больного!». В качестве средства Кан рекомендует отыскать некий новый металл, которым можно бы замонить причиняющее столько огорчений капиталисту золото. Ничем не отличается этот «экономист» от знахаря!

Эжен Каменьяк напечатал пространный трактат «Экономический кризис и история». Начинает он со сладословия капитализму в европейской цивилизации. «Европа — это société riche, это область исключительного расцвета цивилизации, искусств и наук.

— Основой этого обогащения, — жеманничает Каменьяк, — был труд, труд напряженный, труд свободный, современные европейцы были самыми трудолюбивыми по сравнению с людьми прошлого». Далее Каменьяк воспевает хвалу бережливости, кредиту и полиции, охраняющей благополучие Трудолюбивой Европы. Этот хвалебный «историзм» приводит Каменьяка к открытию пути выхода из кризиса. Он рассуждает так: «Психология, вызванная накоплением капитала в европейских обществах, была достаточно крепкой, чтобы противостоять потрясающим кризисам, которые через определенные промежутки времени обрушивались на общество», порождая войны и революции. Каждый раз капиталы, разрушенные кризисом, быстро восстанавливались и даже возрастали».

Автор предлагает утешаться тем, что кризисы бывали и раньше. «Всегда после кризиса психология накопления создавала новое процветание» — таков основной, радующий довод Каменьяка. В этом и заключается «секрет изобретателя». Здесь — основное достижение Каменьяка-экономического знахарства. «Психологические факторы» — вот надежда. Они «сделали возможным успешно преодолеть кризисы прошлых эпох», они «продолжают действовать с прежней силой».

Таков итог глубокомысленных рассуждений отчаявшего империалистического литератора. Он сознает серьезность положения — «дело идет о будущем цивилизации»!—но пророк кризиса капитализма не может дать в своих обобщениях ничего, кроме шаманских заклинаний. Это типично. Это надо поставить в один ряд с искавшими усовершенствованного господа бога.

***

Известный французский критик Эдмон Жало опубликовал «Заметки о самоубийстве» в связи с катастрофой Крейгера, Истмена и других миллиардеров. Это тоже хороший образчик шаманства, раскрывающий уровень культуры современной буржуазии, разоблачающий цивилизованное варварство.

Жало доказывает, что случай Крейгера не имеет никакого отношения к экономике, это дело «чисто психологическое». Речь идет о «моральной болезни». И Жало приводит в доказательство своей мысли веер причудливых примеров самоубийств последнего времени, рассказывая, например, о том, как одна домашняя хозяйка в Париже отравилась после того, как ее упрекнули в том, что она сварила слишком жидкий суп. Далее почтенный критик предлагает свой рецепт лечения страшной болезни, рецепт спасения капитализма от кризиса, напоминающий шаманские заклинания Каменьяка и других.

Жало предлагает отнести на государственный счет кабинеты «моральной медицины», где больным будут доказывать, что времена меняются, что время все сглаживает, что все огорчения сегодняшнего дня в будущем забудутся.

Трогательный, симпатичный рецепт, наводящий на мысль о том, что буржуазная цивилизация действительно переживает период «старческого слюнявления», как сказал один критик о книге Бергсона. И подобную галиматью печатают вполне серьезно люди, имеющие кличку «духовных вождей» современной Франции!

Для пророков кризиса капитализма, ищущих путей спасения капитализма, решающей, провидующей частью всех их рассуждений, является мысль о борьбе двух миров, о борьбе с пролетарской революцией. Мы уже видели, как Каменьяк воспевает хвалу бережливости, кредиту и полиции, охраняющей благополучие Трудолюбивой Европы. Этот хвалебный «историзм» приводит Каменьяка к открытию пути выхода из кризиса. Он рассуждает так: «Психология, вызванная накоплением капитала в европейских обществах, была достаточно крепкой, чтобы противостоять потрясающим кризисам, которые через определенные промежутки времени обрушивались на общество», порождая войны и революции. Каждый раз капиталы, разрушенные кризисом, быстро восстанавливались и даже возрастали».

Автор предлагает утешаться тем, что кризисы бывали и раньше. «Всегда после кризиса психология накопления создавала новое процветание» — таков основной, радующий довод Каменьяка. В этом и заключается «секрет изобретателя». Здесь — основное достижение Каменьяка-экономического знахарства. «Психологические факторы» — вот надежда. Они «сделали возможным успешно преодолеть кризисы прошлых эпох», они «продолжают действовать с прежней силой».

Таков итог глубокомысленных рассуждений отчаявшего империалистического литератора. Он сознает серьезность положения — «дело идет о будущем цивилизации»!—но пророк кризиса капитализма не может дать в своих обобщениях ничего, кроме шаманских заклинаний. Это типично. Это надо поставить в один ряд с искавшими усовершенствованного господа бога.

***

Известный французский критик Эдмон Жало опубликовал «Заметки о самоубийстве» в связи с катастрофой Крейгера, Истмена и других миллиардеров. Это тоже хороший образчик шаманства, раскрывающий уровень культуры современной буржуазии, разоблачающий цивилизованное варварство.

Жало доказывает, что случай Крейгера не имеет никакого отношения к экономике, это дело «чисто психологическое». Речь идет о «моральной болезни». И Жало приводит в доказательство своей мысли веер причудливых примеров самоубийств последнего времени, рассказывая, например, о том, как одна домашняя хозяйка в Париже отравилась после того, как ее упрекнули в том, что она сварила слишком жидкий суп. Далее почтенный критик предлагает свой рецепт лечения страшной болезни, рецепт спасения капитализма от кризиса, напоминающий шаманские заклинания Каменьяка и других.

Жало предлагает отнести на государственный счет кабинеты «моральной медицины», где больным будут доказывать, что времена меняются, что время все сглаживает, что все огорчения сегодняшнего дня в будущем забудутся.

Трогательный, симпатичный рецепт, наводящий на мысль о том, что буржуазная цивилизация действительно переживает период «старческого слюнявления», как сказал один критик о книге Бергсона. И подобную галиматью печатают вполне серьезно люди, имеющие кличку «духовных вождей» современной Франции!

Для пророков кризиса капитализма, ищущих путей спасения капитализма, решающей, провидящей частью всех их рассуждений, является мысль о борьбе двух миров, о борьбе с пролетарской революцией. Мы уже видели, как Каменьяк воспевает хвалу бережливости, кредиту и полиции, охраняющей благополучие Трудолюбивой Европы. Этот хвалебный «историзм» приводит Каменьяка к открытию пути выхода из кризиса. Он рассуждает так: «Психология, вызванная накоплением капитала в европейских обществах, была достаточно крепкой, чтобы противостоять потрясающим кризисам, которые через определенные промежутки времени обрушивались на общество», порождая войны и революции. Каждый раз капиталы, разрушенные кризисом, быстро восстанавливались и даже возрастали».

Автор предлагает утешаться тем, что кризисы бывали и раньше. «Всегда после кризиса психология накопления создавала новое процветание» — таков основной, радующий довод Каменьяка. В этом и заключается «секрет изобретателя». Здесь — основное достижение Каменьяка-экономического знахарства. «Психологические факторы» — вот надежда. Они «сделали возможным успешно преодолеть кризисы прошлых эпох», они «продолжают действовать с прежней силой».

Таков итог глубокомысленных рассуждений отчаявшего империалистического литератора. Он сознает серьезность положения — «дело идет о будущем цивилизации»!—но пророк кризиса капитализма не может дать в своих обобщениях ничего, кроме шаманских заклинаний. Это типично. Это надо поставить в один ряд с искавшими усовершенствованного господа бога.

***

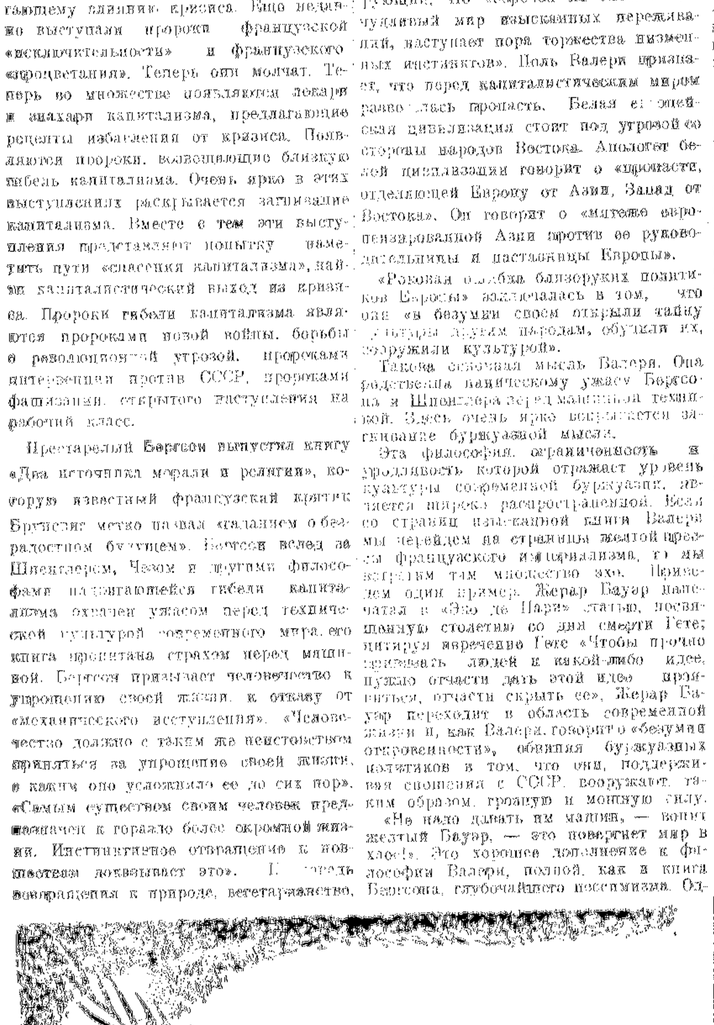
Известный французский критик Эдмон Жало опубликовал «Заметки о самоубийстве» в связи с катастрофой Крейгера, Истмена и других миллиардеров. Это тоже хороший образчик шаманства, раскрывающий уровень культуры современной буржуазии, разоблачающий цивилизованное варварство.

Жало доказывает, что случай Крейгера не имеет никакого отношения к экономике, это дело «чисто психологическое». Речь идет о «моральной болезни». И Жало приводит в доказательство своей мысли веер причудливых примеров самоубийств последнего времени, рассказывая, например, о том, как одна домашняя хозяйка в Париже отравилась после того, как ее упрекнули в том, что она сварила слишком жидкий суп. Далее почтенный критик предлагает свой рецепт лечения страшной болезни, рецепт спасения капитализма от кризиса, напоминающий шаманские заклинания Каменьяка и других.

Жало предлагает отнести на государственный счет кабинеты «моральной медицины», где больным будут доказывать, что времена меняются, что время все сглаживает, что все огорчения сегодняшнего дня в будущем забудутся.

Трогательный, симпатичный рецепт, наводящий на мысль о том, что буржуазная цивилизация действительно переживает период «старческого слюнявления», как сказал один критик о книге Бергсона. И подобную галиматью печатают вполне серьезно люди, имеющие кличку «духовных вождей» современной Франции!

Для пророков кризиса капитализма, ищущих путей спасения капитализма, решающей, провидящей частью всех их рассуждений, является мысль о борьбе двух миров, о борьбе с пролетарской революцией. Мы уже видели,



„ПАЛЬМА БИРД"
Рис. американского художника Берк

представленное Бергсоном, представляет замечательный образец философии загнивания капитализма, это — хороший пример «старчества нашей цивилизации», как о горечью заметил один французский критик Бергсона. Книга Бергсона проникнута глубочайшим пессимизмом, ее основная мысль — осознание надвигающейся гибели буржуазного мира. «На наших глазах происходит все возрастающее разложение цивилизации» — эта фраза проходит красной нитью сквозь всю восхваляемую работу Бергсона.

Но мы ошиблись бы, предположив, что перед нами философ «автоматической» гибели капитализма. Нет, это провозвестник последней и кровавой борьбы умирающего капитализма с революцией, это — пророк, призывающий к мобилизации всех сил капиталистического мира, апостол фашизма. Интегральная одежда прикрывает фашистскую направленность книги Бергсона. В этом отношении интересны пространные рассуждения Бергсона о неизбежности войны.

Бергсон выступает с характерными «предисловиями». Спасение капитализма он видит в диктатуре «сильной руки» в фашизме. Он начинает издалека, с разговоров о том, что всегда тот или иной человек спасал мир. «Основатели и реформаторы религий мистических и священных, загадочные герои мировой жизни мы следовали за ними, как армия за завоевателями. Вы—подлинные победители, вы всегда преодолевали сопротивление косного человечества, полным судьбам». Эти восторженные рассуждения о мессиях-освободителях представляют бергсоновский рецепт спасения капитализма.

И сейчас, в условиях всеобщего кризиса капиталистического мира, остается лишь один выход. Мессия фашистская диктатура. Такой итог венчающей философии. «Появляется мистический гений, — пророчит Бергсон, — он поведет за собою человечество, дело которого безмерно выросло и душу которого он преобразит. Он создаст новое человечество»...

***

Очень близок к этим откровениям Бергсона Поль Валери, выступивший с книгой «Взгляды на современный мир». Это тоже пророк гибели капитализма, рассуждающий о «величии и падении Европы», с горечью констатирующий, что «обречен на гибель причудливый мир изысканных переживаний, наступает пора торжества низменных инстинктов». Поль Валери признает, что перед капиталистическим миром разверзлась пропасть. Белая европейская цивилизация стоит под угрозой «с стороны народов Востока». Апологет белой цивилизации говорит о «щели», отделяющей Европу от Азии, Запад от Востока». Он говорит о «мятеже европеизированной Азии против ее руководительницы и наставницы Европы».

«Роковая ошибка близоруких политиков Европы» заключалась в том, что они «в безумии своем открыли тайну культуры другим народам, обучили их, вооружили культурой».

Такова основная мысль Валери. Она родственна паническому ужасу Бергсона и Шпенглера перед машинной техникой. Здесь очень ярко вскрывается загнивание буржуазной мысли.

Эта философия, ограниченность и куцолизость которой отражает уровень культуры современной буржуазии, является широко распространенной. Если со страниц изысканной книги Валери мы перейдем на страницы желтой прессы французского империализма, то мы встретим там множество эхо. Приведем один пример. Жерар Бауар напечатал в «Эко де Пари» статью, посвященную столетию со дня смерти Гете; цитируя изречение Гете «Чтобы прочно привязать людей к какой-либо идее, нужно отчасти дать этой идее проникнуться, отчасти скрыть ее», Жерар Бауар переходит в область современной жизни и, как Валери, говорит о «безумии откровенности», обвиняя буржуазных политиков в том, что они, поддерживая сношения с СССР, вооружают таким образом, гроядую и мощную силу.

«Не надо давать им малины, — вопит желтый Бауар, — это повергнет мир в хаос!». Это хорошее дополнение к философии Валери, полной, как и книга Бергсона, слезливейшего пессимизма. Одну из первейших задач видит в будущем Валери, один путь «спасения человечества»: войну. Она неизбежна. Пронизновенно Валери говорит о опасительной войне. В речи, посвященной приятию генерала Петена во французскую Академию, Валери сравнил человечество в его роковом тяготении к войне с «несчастными насекомыми, которых непреодолимо влечет в себе пламя». Во «Взгляде на современный мир» войне уделено много внимания. «Мира не может быть, — рассуждает Валери, — ибо удовлетворить всех невозможно. Европа сделалась страной матерых волков, а остается только ожидать, кто из волков начнет драку. Война близка, вопрос только в том, кто на соседей-волков первым ринется другому в горло».

Таким образом пророк гибели капитализма намечает и путь «спасения». Империализм хочет найти выход из кризиса в новой войне. Философы империализма выжимают из своих стерженских мозгов «подтверждения» и «обоснования».

***

Парад французских пророков и знахарей, открываемый Бергсоном и Валери, имеет множество участников.

«Каждый по-своему беспокоится о кризисе!» — восклицает Марсель Тьебо.

Роми-старший выступает с пространной статьей, в которой он обсуждает всесторонне актуальнейшую тему о четвертом измерении — не подумайте что это нечто отторженное от политики. Нет, почтенный Роми видит здесь выход из затруднений кризиса. Проникновенно говорит он о «погружении в ничто», о «великом счастье растворения» — все эти малоутешительные утешения Роми попахивает на размышлений о четвертом измерении. Тоже рецепт спасения от кризиса!

На протяжении четырех номеров «Нового французского обозрения» Жюльен Бенда доказывает существование божества при помощи чертежей, диаграмм и точно вычерченных парабол. Он хочет быть на уровне своего времени и срочно приспособляет господа бога к усложнившимся требованиям. Геометрический божественка, непререкаемо доказанный Бенда, должен служить верным средством от кризиса.

Бенда не одинок в своем дикой занятии. Известный аббат Бремон уже несколько лет работает над подобным произведением. Если в Академию была недавно избран генерал Вейган, то почему бы и Коти не стать академиком?

Искусство и кризис

„Накормите нас"

«Нью-Йорк таймс», описывая распродажу картин, устроенную разорившимися художниками на открытом воздухе в Вашингтон-сквере, приводит ряд одинаковых под картинами надписей: «Накормите нас», и мы украсим ваши жилища прекрасными произведениями искусства», «Мамаю картины на продукты, мясом, маслом, молоком, обменяю и столкуюсь».

Разорение художников в связи с углублением экономического кризиса приняло катастрофические размеры. Среди продающих картины на площадях встречаются художники очень известные и подчас с мировым именем.

На Париже сообщают, что сильным оригинальных зарисовок известного художника Луи Дакида из коллекции Анатоля Франса долгое время не мог найти себе покупателя и, наконец, был продан всего за 2.500 франков.

Одна из работ известного художника Ван-Донгена, картины которого продавались по несколько десятков тысяч франков, была недавно продана за 250 франков, т. е. меньше чем за 10 руб.

По последним данным аукционной распродажи в Париже, картины Ренуара, которые обычно значительно превышали запрашиваемые за них цены, продаются теперь с большими убытками.

Косметика вместо литературы

Буржуазная литература больше не кормит. Известная французская писательница Колет в связи с разрастающимся экономическим кризисом во Франции вынуждена была недавно открыть парфюмерный магазин и академию массажа, так как большинство издательств разорается, а спрос на романы все уменьшается.

Колет, которая пользуется во Франции большой популярностью и которой французская критика пророчила первое место женщины в Академии, попала на зенит своей славы вместо Французской академии взяла академией косметики и парфюмерии.

Перемена профессий

Известный американский критик и писатель, бывший редактор ряда крупнейших литературных журналов, как, например, «Коллиерс уикли», «Харперс уикли», «Харпер интернэшнэл», Норман Хапгуд срочно переменил профессию. Он выступает по радио с рекламой... изделий крупнейшей консервной компании «Колумбия канниг Ко». Такая «работа» гораздо лучше оплачивается, чем литературный труд в период кризиса.

Япония и война

В настоящее время в Америке существуют два отношения к угрозе новой мировой войны, возможность которой намечалась уже вполне определенно. Одно представлено американским народом: сами по себе американцы не второй, ни вообще какой бы то ни было войны отнюдь не желают, особенно сейчас, когда им и политически, и экономически приходится очень туго. Другое — это отношение правительства, и, чем бы оно ни маскировалось, можно сказать с уверенностью, что это отношение и служит и определяется единственно и целиком финансовыми и промышленными воротилами с Уолл-Стрит, видящими в возможном разгроме России с помощью японской агентуры, за которой теперь стоит Англия, Франция и интернациональная группа финансовых магнатов, ныне управляющих нашей страной, не столько способ предохранить мир от демократизма и свободы в какой бы то ни было форме, сколько подчинить все и всех своей кесаровой власти.

И, если им дать волю, Россия будет разгромлена и колдая страна, даже самая маленькая, получит своего палачого и грубого диктаторишку, который должен будет править этой страной и этим народом в интересах толстосумов, желающих власти и роскоши только для себя, но, конечно, за счет других. И это правда! Это явление можно наблюдать и у нас и за границей, в Италии, Польше, Венгрии, Румынии, Аргентине, Чили и почти во всех южноамериканских странах.

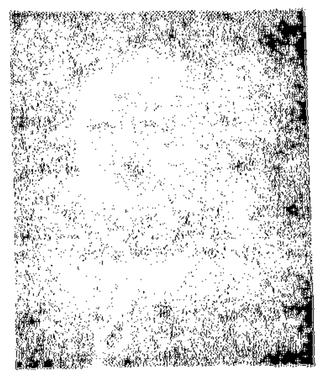
Долой, долой, долой! — еще большая доля империалистического могущества для подлой кучки немногих, тех, чья социальная или экономическая программа имеет только один смысл: все — им, а никому другому, а многомиллионным массам — бедность, долгие часы труда, невежество, болезни: массам, которых они так явно стремятся поработить или вернее удержать в состоянии рабства, с тем, чтобы самим продолжать позировать, хвалиться и наслаждаться, как они это делали в течение тысячелетий человеческой истории.

Но удастся ли им это? Вот вопрос. Окажется ли у масс достаточно здравого смысла — в соответствии с их ужасным социальным положением, чтобы, наконец, понять, хотя бы частично, и весь источник их экономических бедствий? Вот вопрос. Ведь у нас же — в глазах — с одной стороны России и осуществляемая ею чудесная и гуманная программа, а с другой — истерзанная и голодная Европа, Америка, Южная Америка, — словом, все другие места и страны земного шара. Неужели у человечества нет подлинной мудрости самосохранения? Нет понимания всей нужности организаций самопомощи даже после стольких тысячелетий социальной дезорганизованности, массового рабства и массовой нищеты, наряду с олигархическим благосостоянием и роскошью? Вот вопрос. Ведь есть еще война, со всеми ее ужасами, война в Китае, где тысячи и тысячи рабочих и крестьян и их семей будут убиты или уже убиты. А для чего? Ради кучки японских милитаристов? Да.

Ради нажавы и безопасности мировых спекулянтов и финансовых королей внутри Японии и вне ее? Да. Дело именно в этом, и только в этом. Ибо я лично свидетельствую, что в настоящее время существует совершенно дьявольский по своей жестокости заговор финансовых владык всего мира — банкиров, обслуживающих их промышленников и праздных, пресыщенных богачей, которых они вознесли в качестве господствующего класса над нищими множествами, — заговор, имеющий целью эти множества повсюду поработить и так, в порабощенном состоянии, а держать. А в союзе с финансовыми королями находится католическая церковь со всей своей жаждой силы, богатства и власти, и каждый клунец, в какой бы точке вселенной он ни находился, воображающий, что, «оберегая свою индивидуальность» за счет всех других, он станет чем-то высшим, чем-то выдающимся среди великого моря человеческих бедствий.

Что касается Америки с ее финансовыми грабителями, то она раздваивается между враждебностью по отношению к коммунистической России, которой она так боится, а также к тем частям Китая, которые уже стали коммунистическими, и чисто коммерческим страхом перед постепенно растущей опасностью и угрозой полной войны и финансовой мощи японской знати, желающей не только сохранить, но и расширить то особое индустриальное рабство, на которое опирается украшенная орденами, одержимая жаждой власти и господства кучка грабителей, ибо они хотят помешать своему империализму всякий другой, и они это сделают, если их не обуздать.

И вот кто-то шепчет мы (это нашептывают, главным образом, наши американские финансовые короли), мы позволим Японии напасть на Манчжурию и беспрепятственно овладеть ею, с тем чтобы остановить продвижение России на восток; а чтобы помешать возможному нападению коммунистического Китая на Японию (в Манчжурии), мы позволим Японии напасть на Китай и захватить такую часть его, благодаря которой она сможет не опасаться русского вмешательства. Но когда коммунистическая Россия и Китай будут втянуты в войну и разгромлены, если Япония не поделится с нами таким лакомым куском, как Азия, мы обернемся и нападем на нее и сталем — или останемся — всемогущими.



Теодор Драйзер

Так обстоят дела в современной Америке, и вы увидите, что так же обстоят они в каждой стране. Своим враждебным отношением к Советскому союзу американский капитализм не только поддерживает Японию в ее военных действиях против Китая и Манчжурии, он надеется и на то, что она будет воевать с Россией и победит ее; затем будет разгромлена и поделена Япония. Таким образом, современные военные

„От Китая далеко"
Рис. американского художника В. Гроппер.

обострения грозит повлечь за собой вторую мировую войну. Вместе с тем американские баккиры и владельцы оружейных заводов уже пожинают доходы с войны Японии против китайского народа и ее приготовлений к войне против Советского союза. Ибо, хотя департамент торговли и заявил, что за январь им отправлено в Японию военных снаряжений лишь на 1.000 долларов, но на самом деле Японии было продолжено отправить в САСШ судна с огромным грузом золота, и, конечно, этим золотом заплачено не за рождественские игрушки. Да, американские поставщики оружия уже нагрели руки и грезят о еще лучших днях, когда их рынок станет безграничным, как и для мировой войны.

Но, что еще хуже, американские адмиралы и генералы говорят открыто о неизбежной — как только китайско-русская операция капитализму будет сломлена — войне с Японией, и в залах конгресса только и слышишь разговоры о патриотизме и необходимости быть готовым, ибо известно, что рядовой американец не любит современных японских империалистических магнатов, и поэтому их можно подбить на войну если не с Россией, то хоть с ними. Больше того: американский флот только что участвовал в тихоокеанских маневрах, самых больших когда-либо в его истории происходивших. Впрочем, это, конечно, не мешает американским спекулянтам продавать Японии военное снаряжение.

Не может быть сомнения в том, что американские массы охвачены неподдельным протестом империалистической клики, готовящейся к войне с Россией, а потом с Японией и в то же время науськивающей Японию на китайский народ. Американский империализм, делая на экономический кризис и держащий миллионов безработных, сознающихся по городам и деревням и этим понижающих самые основы капитализма, этот империализм все же не в силах забыть о рождении в России нового социального строя, строя рабочих и крестьян, и по крайней мере в настоящий момент старается изо всех сил помочь Японии.

В результате наша супероповская администрация избивает и расстреливает рабочих, которые демонстрируют перед японским посольством, протестуя против войны в Китае и выражая сочувствие Советскому союзу. Страх и ненависть к пятилетнему плану советских рабочих и крестьян действительно помирили всех враждовавших друг с другом империалистов Европы и Америки и сплотили их в разработке плана войны против новой России. А как следствие этого — и только этого — Япония напала на Китай и захватила Манчжурию и Шанхай, ибо без согласия Англии, Франции и Америки она бы никогда на это не решилась.

Теперь Япония стягивает войска к советской границе, и еще раз выступают на сцену грубо сфабрикованные вымыслы об «ужасах», фигурировавшие в мировой войне. Мы слышим об «ужасах» то на польской границе, то на румынской. Американская капиталистическая пресса жадно перепечатывает всю эту ложь, чтобы разжечь враждебные чувства против первой республики рабочих и крестьян.

Что же касается пацифизма Лиги наций и пакта Келлога, то они никого не обманут ни относительно военных ужасов, ни империалистической сущности комиссий «расследований» при той же Лиге. Женевская конференция по разоружению, которой руководят в настоящее время Англия, Франция и Америка, по против которой борется все представленное там более мелкие государства, жаждущие мира и безопасности, эта конференция уже превратилась в арену борьбы между империалистами и место встречи их военных чемпионов, злоумышляющих против Советского союза.

До сих пор в комиссии звучал только один голос, говоривший за весь народ, против войны и ее организаторов. Это был голос М. Литвинова, подчеркивающего политику мира СССР. В его предложениях есть нечто вполне реальное, и он не только срывает с организаторов войны все фиговые листочки пацифизма, но и указывает путь, противоположный пути г-ров Стимсона и Гендерсона, желающих именно и только того, о чем я говорил выше. И хотя м-р Стимсон и заявил, что едет в Женеву с миссией мира, эта миссия мира государственного секретаря только сгустила военные тучи. Оказывается, необходимо вызвать еще больше долгов и репарации. Английский социалист Гендерсон является представителем конференции по разоружению. Японские социалисты убеждают, что в отношении войны в Китае их империалисты чисты от каких-либо кровавых намерений, и ничего не предпринимают против Советского союза. А американские социалисты приказают Гувера и Стимсона стать на Дальнем Востоке миротворцами! Не приходится ни поэтому считать социалистический пацифизм еще более опасным, чем официальный пацифизм капиталистического правительства? Я думаю, что да. Иба мне кажется, что социалисты оказывают этим пацифизмом самую большую услугу империалистам и их идеологической и интеллектуальной мобилизации народа для войны.

Кроме того, наряду со всеми этими обстоятельствами, голод и нужда увеличиваются в САСШ с каждым днем. Армия безработных растет. Но правительство Гувера, повидимому, решило довести до печального конца свою политику покровительства плутократии за счет масс. Даже при столь критическом положении правительство не хочет признать Советский союз, хотя это признание сразу оживило бы торговые отношения между обеими странами.

Однако экономический кризис становится все более тяжелым бременем, и американский капитализм, видя, что столпы, поддерживающие его дом, пытаются, старается найти выход. Но для капиталистической мысли война является, повидимому, основным исходом. При все увеличивающемся кризисе остается, действительно, только две возможности. Русские рабочие и крестьяне, выйдя из империалистической войны и создав собственное государство, дали миру конкретный урок, и некоторые американцы начинают это, наконец, понимать. С другой стороны, наши империалистические миллионеры видят в коммунизме своего злейшего врага. Со временем они поймут это еще острее, и Япония, хотя они ей сейчас и помогают, будет ими поделена; а помогают они ей сейчас не открыто, но потихоньку, тайком. У нас есть договоры, по которым Япония не может делать того-то и того-то, но она все-таки это делает. Она не имеет права захватить Манчжурию, она ее захватывает; она не имеет права резать и убивать китайцев и отделять отдельными частями Китая, она это делает. А в Вашингтоне или молчат или подхихикивают для все вмешения.

Наша капиталистическая печать пользуется этим и клевещет на Россию и дает сомнительные и малодебительные разъяснения относительно необходимостей» и прав Японии.

Вздор! Ложь! Выдумка! Они хотят, чтобы Япония воевала с Россией, а потом — пожалуйста — они будут воевать с Японией и разгромят ее. Но разве в этом есть что-нибудь странное или невыполнимое для денежного короля? Если вы в этом сомневаетесь, то вы не знаете, что такое денежный король.

Таким образом перед лицом фактической войны в Китае и назревающей мировой войны среднему американцу предстоит решить проблему выбора между способом выйти из кризиса, применяемым банкирами, и тем, который предлагают и демонстрируют народы Советского союза.

Для меня ответ ясен. Рабочие и крестьяне всего мира, а также многие интеллигенты стоят за мир и против империализма. Я приветствую Советский союз и вторую пятилетку, возвещающую окончательное уничтожение классов. Это единственная, действительно, важная страница в современной истории человечества.

Пер. В. СТАНЕВИЧ.

Щедрин классически высмеял когда-то Францию, расстрелявшую коммунаров, Францию, пресмыкающуюся перед русскими тиранами банкиров, как республику без республиканцев. Пора родиться новому Щедрину, чтобы высмеять... и меньшевиков, защищающих революцию посредством лозунга „отсутствие" революционеров, „отсутствие" революции. ЛЕНИН (1907 г.)

С сегодняшнего дня «Литературная газета» будет регулярно печатать страницу «Из литературного прошлого».

Известно громадное значение, которое придавал Ленин усвоению и переработке культурного наследия прошлого. «Вопрос в том, — писал Ленин, — чтобы в условиях пролетарской власти лучшие достижения буржуазной культуры стали достижением масс». В другом месте Ленин совершенно точно указал на то значение, которое должно иметь наследие прошлого при построении пролетарской культуры: «Только точным знанием культуры, созданной всем развитием человечества, только переработкой ее можно строить пролетарскую культуру».

В первую очередь Ленин относил это, к литературному наследству классической литературы. Так, на примере произведений Толстого Ленин показал, что «в его наследстве есть то, что не отошло в прошлое, что принадлежит будущему». Это наследство берет и нам этим наследством работает российский пролетариат. В другом случае, касаясь редакции «Правды» за помещение статьи г. Ольминского о Салтыкове-Щедрине, Ленин мягко: «Хорошо бы вообще от времени до времени вспоминать, перечитывать и растолковывать и «Правде» Щедрина и других писателей «старой» буржуазной демократии».

Революционная переоценка художественного наследства, доставшегося нам от прошлых эпох, только теперь начинает разворачиваться. Громадную роль в деле показа подлинного лица нашего литературного прошлого играют те новые материалы и документы, которые в последнее время найдены и которые продолжают извлекаться в свет. Эти материалы помогут вскрыть реальную, классовую природу прошлых литературных движений, помогут вынести двигающие движущие силы истории литературы, а также и литературный быт ушедшего времени.

Революция открыла доступ в гранильному количеству государственных и частных литературных архивов и дала в общественное пользование обширнейшие рукописные фонды, в которых долгие годы хранились неизданные творения наших классиков. Их переписка, обширно вошедшая в последние годы, позволила установить ранее неизвестные псевдонимы. И, наконец, в делах цензурного комитета III отделения департамента полиции были обнаружены подчас понятности более зрелые их произведения. Если не считать специального издания («Литературное наследство»), ведущего большую работу в этой области, то публикация подобных материалов и документов протекает стихийно, распыленно, по многочисленным изданиям. Широкие читательские массы знают их еще плохо. Отсюда и вытекает первая задача нашей страницы: систематически знакомить наших читателей с теми новыми материалами по истории русской литературы, литературы народов СССР и зарубежной литературы, с документами по истории нашей общественной мысли и истории журналистики, которые входятся в исследовательский оборот. Причем показ этих материалов, их публикация в одной из ближайших страниц будет происходить по возможности до выхода в свет изданий, в которых эти материалы имеют появиться позднее.

Следующая задача нашей страницы — ознакомление с последними разысканиями в области литературного наследства Маркса, Энгельса и Ленина. Посмертные разыскания и публикация трудов основоположников марксизма вызвали громаднейшее количество их литературных замыслов, в том числе много мыслей по всем вопросам культуры, искусства и литературы. Достаточно указать на выступление в свет девятнадцати ленинских сборников, чтобы сделалось ясным, какое громадное количество ленинских творений впервые сделалось доступным массам за последние семь лет.

Последняя задача этой страницы — посильно вести самостоятельную работу по линии разыскания и критической переработки незаслуженно и забытого художественного наследства наших классиков. Но в этой нашей работе мы постараемся избегнуть того засилия, которое, например, во всех почти современных литературно-художественных журналах. По какой-то традиции, продолжающей страницы своих изданий публикациям историко-литературных материалов, эти журналы обычно делаются приставшими разных «архивных крыс».

С другой стороны, не редки случаи, когда в этих журналах как «сенсация» публикуются десятки лет общеизвестные документы.

Наша страница «Из литературного прошлого» будет вести свою работу, руководясь степенью политической значимости и необходимости того или иного документа или тех или иных разысканий для литературных задач сегодняшнего дня, — в своей работе мы будем исходить из того, в какой мере наши документальные публикации помогают очередным задачам марксистско-ленинского литературоведения или сопутствуют переоценке художественного наследства классиков литературы, активно вскрывая своим разысканием против тех комментаторов, о которых Ленин говорил, что они хранят наследство, «как крокодилы хранят старую бумагу».

Мы надеемся, что наша страница поможет нашим литературным кадрам узнать наше литературное прошлое в его подлинном виде. Мы должны показать все то из подлинного и забытого литературного наследства, что поможет правильному пониманию и критическому усвоению культуры прошлого.

Отечественное наследие Салтыкова представляет культурную ценность огромной величины. Его письма являются прежде всего материалом громадного идейного значения, прекрасно характеризующим одного из самых крупных, передовых и привлекательных участников классовой борьбы в художественной литературе и публицистике. В свете этих писем отчетливей рисуется политический портрет сатирика, его внутренний облик становится ближе, многозначные понятия.

Первое собрание писем Салтыкова было осуществлено в 1925 году. Это было научным событием большого значения и для истории литературы и для истории русской культуры вообще. С тех пор интерес к Щедрину рос из года в год. Советское перерасследование сделало доступ в ряд малодоступных архивных фондов, в том числе эпистолярных, необходимых для дальнейшего изучения писателя. Почти ежегодно в литературе последних лет появлялись новые письма и даже целые серии писем Салтыкова. Эти публикации знаменуются только что вышедшей в свет-не исчерпывающей основные, кровные убеждения писателя, обнаружила незнакомые принципиальные стороны его мировоззрения. Такие эпизоды истинно и сильно волновали Салтыкова, относящегося к своей идейной репутации с исключительной щепетильностью и строгостью. Два замечательнейших письма написал Салтыков (Языкину и Станкевичу) по поводу единично брошенного ему Суворинским упрека в «глумлении над народом» и «Истории одного города». Письма эти давно отлиты в своем роде классическими. В сущности в этих скупых 30—40 строчках мы имеем изложение общественно-политического и философского credo Салтыкова. Этим определяется и значительность документа. Но эти же обусловливаются и трудность его понимания. Каждая фраза несет здесь большую идейно-смысловую нагрузку, отражает различные стороны и оттенки сложной и своеобразной системы взглядов Салтыкова. Письмо может быть понято до конца лишь в комплексе всего творчества, и оно требует обстоятельных пояснений. Газетный столбец не позволяет дать их сейчас, но всякий комментарий неизбежно превратился бы здесь в исследование о мировоззрении Салтыкова. К этому вопросу вернется «Литературное наследство». Но и сейчас читатель должен иметь в виду, что в этом документе, конечно полемизируя с Утиным, либералом, сторонником малых «практических» дел, Салтыков обнаруживает и слабые стороны своего мировоззрения: просветительство и отрыв от революционной практики.

Письмо было напечатано в книге статей Е. Утина «Из литературы и жизни», (т. I, М. 1906).

Щедрин о назначении своей сатиры

Забытое письмо Салтыкова

Душевно благодарен Вам, многоуважаемый Евгений Иванович, за благосклонное отношение к моим трудам. Но мне кажется, что Вы не совсем удачно выбрали [Круглый] год», и потому вопрос об «идеалах» не выяснился. Мне кажется, что писатель, имеющий в виду не одни интересы минуты, не обязывается выставлять иных идеалов, кроме тех, которые жизнью вопиют самосознания. А именно: свобода, разноправность и справедливость. Что же касается до практических идеалов, то они так разнообразны, начиная с конституционализма и кончая социализмом, что останавливаться на этих отдельных — значит, добровольно стеснять себя. Я положительно убежден, что большие или меньшие совершенства тех идеалов зависят от большего или меньшего усвоения человеком тайн природы и происходящего отсюда успеха прикладных наук. Вещь ясная, собственность, государство — тоже были в свое время идеалами, цитами и они, конечно, исчерпываются. Устраиваться в этих пределах, отстаивать одни и разрушать другие — дело публицистов. Читал роман Чернышевского «Что делать?», я пришел к заключению, что ошибка его заключалась именно в том, что он чересчур задался практическими идеалами. Кто знает, будут ли они так! И именно ли назвать указанные в романе формы жизни окончательными? Ведь и Фурье был великий мечтатель, а все принадлежит часть его теории оказывается более или менее не состоятельной, и остается только неумирающие общие положения. Это дало мне повод задаться более скромною мыслью, а именно спасти идеал свободы, исследования как интеллектуального процесса всякого человека и обратить его к тем современным «вопросам», во имя которых эта свобода исследования пытается. По мере сил моих и в размерах цензурного приволья, это и сделано мною в «Благонамеренных» речах. Я обратился к семье, к собственности, к государству и дал понять, что в неприкосновенности ничего этого уже нет. Что, стало быть, принципы, во имя которых стесняется свобода, уже не суть принципы даже для тех, которые ими пользуются.

На принцип семейственности написаны мною «Семейства». На принцип государственности — «Круглый год».

Во всяком случае очень благодарно вас за сочувственное отношение и остаюсь искренне вам преданный

2 января [1881 г.].

М. САЛТЫКОВ.

Academia вместе «Неизданных писем» Салтыкова и полвека спустя (в том же издательстве) только «Неизданных писем русских писателей» к драматургу А. Н. Островскому, где насчитано 36 писем Салтыкова.

Кроме того много писем еще совсем не изданно. Достаточно указать на то, что в осуществляемом ныне полном собрании сочинений Салтыкова эпистолярное наследие займет целых три тома из 30 печатных листов каждый. Около 500 писем появится здесь впервые в печати. Среди них будут и такие интереснейшие серии, как письма из ссылки к родителям (около 200), письма к Г. З. Елисееву (около 100), новые письма к Н. А. Белоголовому (около 60).

Но есть в наследии Салтыкова и огромная обширная категория забытых писем. Опубликованные разными лицами в разнообразных исследованиях, мемуарах, критических статьях и заметках, разбросанные по многочисленным журналам, сборникам и газетам на протяжении десятков лет, письма эти оказались в большинстве своем прочно забытыми и не только неизвестными читателю, но даже неведомыми и исследователям, работающим по Салтыкову (взять таких необранных писем подготовляются к печати С. Макашиным и Ж. Эльсбергом и выйдет в библиотеке «Литературного наследства»). А между тем многие из них представляют совершенно исключительный интерес. Один из таких забытых документов — письмо М. Е. Салтыкова к Е. И. Утину — мы и приводим здесь.

Мимо этого письма не может пройти ни один исследователь Щедрина, без знакомства с ним невозможна нечерноземная характеристика мировоззрения сатирика.

Письмо написано по поводу статьи Е. И. Утина (либерального адвоката, занимающегося на досуге публицистикой) о «Круглом годе» Щедрина. Статья была напечатана в первой книжке «Вестника Европы» за 1881 г. Салтыков не имел обыкновения отвечать своим критикам. Исключение из этого правила он допускал крайне редко и лишь тогда, когда критик вольно или невольно извращал основные идеи писателя. Так было и в данном случае. Утин, либерал, сторонник малых «практических» дел, Салтыков обнаруживает и слабые стороны своего мировоззрения: просветительство и отрыв от революционной практики.

Письмо написано по поводу статьи Е. И. Утина (либерального адвоката, занимающегося на досуге публицистикой) о «Круглом годе» Щедрина. Статья была напечатана в первой книжке «Вестника Европы» за 1881 г. Салтыков не имел обыкновения отвечать своим критикам. Исключение из этого правила он допускал крайне редко и лишь тогда, когда критик вольно или невольно извращал основные идеи писателя. Так было и в данном случае. Утин, либерал, сторонник малых «практических» дел, Салтыков обнаруживает и слабые стороны своего мировоззрения: просветительство и отрыв от революционной практики.

Письмо было напечатано в книге статей Е. Утина «Из литературы и жизни», (т. I, М. 1906).

ИЗ ВЫСКАЗЫВАНИЙ О ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Среди великих русских художников второй половины XIX в. нет другого писателя, который был бы такой исключительностью, как Щедрин, выступал против определенной моды и господствующих понятий, против подлого и трусливого буржуазного либерализма. Творчество Щедрина отличается громадной идейной целеустремленностью. Салтыков—публицист, романист, критик всегда умел четко сформулировать задачи Щедрина-художника. Недаром писал Салтыков Пыпину: «Я полагаю, нашему сотруднику могу навеки свое сочинение объяснить, против чего оно направлено, какие идеалы имеются в виду». Поэтому высказывания Салтыкова о литературе представляют в процессе критического усвоения литературного наследства чрезвычайно большой интерес, тем более, что они в значительной мере новы.

Сегодня мы приводим два таких отрывка из произведений Щедрина. В первом из них—о новом романе мы видим, как величайший русский сатирик ставил и решал в литературной связи проблемы нового содержания и новой формы, как он боролся с отжившим семейного, позднейше-буржуазного романа. Задачи создания нового романа им рассматривались прежде всего как задачи художественного отображения социальной практики, социальной психологии. Во втором отрывке—о границах литературного исследования—писатель касается проблемы использования индивидуального опыта против предрассудков, как самооценки, как преувеличенного внимания к психологическим частностям и отрыве от социальной практики. Щедринские же строки показывают, что Щедрин рассматривал интимный и психологический материал не как самоцель, а только как средство для выражения в их единстве того, что он считал самым существенным, с точки зрения тех исторических условий действий, поступков, которых он касался.

О „НОВОМ РОМАНЕ"

«Мне кажется, что роман утратил свою прежнюю почву с тех пор, как семейственность и все, что прилегает к ней, начинает изменять свой характер. Роман (по крайней мере, в том виде, каким он являлся до сих пор) есть по преимуществу произведение семейственности. Драма его начинается в семействе, не выходит оттуда и там же заключается. В положительном смысле (роман английский) или в отрицательном (роман французский), но семейство всегда играет в романе первую роль.

Роман современного человека разрывается на улице, в публичном месте, только не дома, и притом распространяется самым разнообразным, и отчасти непредвиденным образом. Вы читаете драма начиналась среди уютной обстановки семейства, а кончилась бог знает где; началась поцелуями двух влюбленных сердец, а кончилась полученными прекрасного места. Сибирью и т. п. Эти резкие перерывы и переходы кажутся нам неожиданными, по между тем и в них, несомненно, есть своя строгая последовательность, только усложнившаяся множеством разного рода мотивов, которые и до сих пор еще ускользают от нашего внимания или неправильно принимаются нами недраматическими. Проследить эту неожиданность так, чтоб она перестала быть неожиданностью, — вот, по моему мнению, задача, которая предстоит гениальному писателю, имеющему создать новый роман.

Само собою разумеется, что я не беру даже подобия к половой задаче, я сознаю, что она мне по силам, уже как я все-таки немного со дна-тельно ясно, то беру на себя роль собирателя материалов для нее. Есть темы, которые объяснить небезполезно, в особенности в тех влияниях, которые они имеют на современность. Если справедливо, что во всяком половом вопросе главная задача является истерия, то не менее справедливо и то, что везде можно встретить отдельные индивидуумы, которые служат комплементы «положения» и представляют собой как бы ответ на потребность минуты. Понять и разгадать эти типы — значит понять и разгадать типические черты самого положения, которое они не только не заслоняется, но, напротив того, с их помощью делается более наглядным и рельефным. Я мне кажется, что такого рода разъяснительная работа хотя и не представляет условий совершенной цельности, но может внести в общую сокровищницу общественной философии материал довольно ценный.

Гюстав Гинцбургер.

В ГРАНИЦАХ «ЛИТЕРАТУРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ»

«Литературному исследованию надлежит не то только поступки, которые таковое беспристрастно совершают, но и те, которые он совершил бы, если бы умел или смел. И не те одни речи, которые человек говорит, но и те, которые он не выговаривает, но думает. Рассеките человеку руки, дайте ему свободу высказывать все свои мысли — и перед вами уже встанет не особое тех членов, которого вы дали в обыденной жизни, а несколько иной, в которой отсутствие стеснения,... позволяющих ему пользоваться, с надлежащею ясностью, всеми своими способностями, а также и всеми приобретенными упражнениями, с надлежащею же ясностью выявит перед нами и недостатки, которые, может быть, и оставались бы незамеченными, и, напротив, отбросит на задний план то, что на поверхностный взгляд составляло главное определение человека. Но это будет не преувеличение и не искажение действительности, а только разоблачение той другой действительности, которая любит коснуться за обыденным фактом и доступна лишь очень и очень пристальному наблюдению. Без этого разоблачения невозможно воспроизведение всего человека, невозможен правдивый суд над ним. Необходимо коснуться всех готовностей, которые кроются в нем, и испытать, насколько легко в нем стремление совершить такие действия, от которых он в обыденной жизни должен отказываться».

«Литературный и политический».

КАРИКАТУРА НА САЛТЫКОВА ХУДОЖНИКА А. ДОЛИТОВА
Из издания «Галерея русских деятелей» 1880 г.

Щедринский образ города Глупова был сразу же правильно понят современниками как сатирическое изображение для своих членов всей бюрократической системы самодержавной России. Карикатура, изображающая Салтыкова с непропорционально большой головой Глупова, наглядно иллюстрирует это.

НОВОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ Салтыкова-Щедрина

Когда Салтыков задумал в 60-х годах издавать свое собрание сочинений, он встретился с целым своеобразным препятствием. На долю ни одного из писателей не выпало столько преследований, как на долю Щедрина-писателя. В результате большому и почти единственному всем этим перепадам писателю приходилось защищать сочинение самому. Первый том вышел еще при жизни Салтыкова в 1868 г., остальные восемь — в 1886 г. Салтыков был представлен здесь не только немолод, но и больной. Издание пошло на себе явному печатного почерка.

В дальнейшем можно было, разумеется, дать читателю более полного и исправного Щедрина. Можно было прежде всего устранить если не все, то многие цензурные купюры и искажения, тем более, что основной художественный фонд Салтыкова перешел после его смерти к Суворинскому, который перепечатал собрание. Но «либеральная совесть» Суворинского не была заинтересована в восстановлении подлинного облика революционно-демократического писателя. Разумеется. Суворинского не было и этом одном. В затяжке молчания и всяческого противодействия по отношению к Щедрину участвовала вся либеральная критика и вся буржуазная литературная наука.

Марксистское литературоведение давно уже отчетливо выяснило крупнейшую революционную роль Салтыкова как одного из активнейших участников классовой борьбы в литературе XIX в. и лагеря русской революционной демократии. Но фактическая общественность все еще мало сделала для полезной широкой пропаганды творчества великого сатирика. По-настоящему изучать и пропагандировать Щедрина можно, разумеется, только на основе полного научного марксистски выверенного собрания его сочинений. Такого у нас до сих пор не было. К шестидесятой годовщине кончины Щедрина, выступления Государственным издательством в 1926 г. был допущен ряд крупных политических ошибок как в самом выборе материала, так и в комментировании его, что дало повод т. М. С. Ольминскому охарактеризовать это издание как либерально-салтыковское.

Ныне Ленинградское отделение ГИХЛ приступило к изданию нового собрания сочинений Салтыкова.

Издание рассчитано на 20 томов, ориентировочно по 25—30 печ. листов каждый. Это будет первое научное и действительно полное издание сочинений великого сатирика. Из 20 томов примерно 8 будут заполнены совершенно новым, никогда не публиковавшимся или забытым и необранным материалом. Сюда войдут не только значительные произведения Салтыкова, но и не получившие окончательного завершения черновые наброски, планы, записные книжки и пр. Сюда войдет также вся публицистика Салтыкова, все его многочисленные газетные и журнальные статьи, представляющие исключительный материал для изучения политического мировоззрения писателя. Письма Салтыкова займут три тома. Около 500 писем появится в печати впервые и этим изданием.

Каждый том помимо реального и текстологического комментария будет снабжен вступительной статьей, двумя-тремя научно-критическими и библиографическими примечаниями к данному тому произведений Салтыкова. Кроме того в приложении к каждому тому будут включены материалы по ценсурной истории сочинений Салтыкова. В последнем (20) томе будет дана подробная русская и иностранная библиография литературы о Салтыкове. Предполагается издать один особый том (21), содержащий словарь салтыковской фразеологии.

Параллельно полному 20-томному изданию сочинений и писем Салтыкова будут изданы избранные произведения в 8 томах, общим объемом в 200 печ. листов

Драма одиночества*

Р. Заозерский

I

Врачи находили у Салтыкова в 80-х годах сразу десяток болезней. Острый ревматизм, в кишэр гортани, и легких, и болезнь почек и печени, и судороги, и ослабление зрения... Салтыков писал в 1885 г. редактору либеральных «Русских ведомостей» В. Соболевскому:

«Михайловский был у меня сегодня и видел, какие чудеса со мной делаются. Болезнь моя называется Сотта-содобная», то есть подобная болезни он, Витта, но «подобная» прибавляется из учтивости.

В августе этого же года Салтыков писал своему другу, судебному деятелю А. Боровиковскому:

...«Вы голубчики переписку в самую тяжелую для меня минуту. Я до такой степени болен, как никогда не бывал. И лицо и тело в постоянных судорогах, капель несосветимый, силю не больше 4-5 часов, почти ничего не ем. Руки дрожат, ноги подводят, память почти потеряна, способность писать и даже думать тоже. И все это идет crescendo (возрастая)...». (Д. 3.).

Врачи, наконец, от него отступались, но были надежны на излечение, а смерть не приходила, хотя Салтыков жаждал ее со дня на день, все приготовления сделал. Непременно канцелярий, дергающийся в судорогах, заикающийся, всегда раздраженный — он стал неприятен всем окружающим. Жена его не любила огорчений и детям не хотела их доставлять. Она не допускала детей в больному. Близкие домашние друзья, звали Салтыкова больше как остроумного собеседника, привычного партнера в карточной игре. К литературе и политике эти имели совсем косвенное отношение. Больного Салтыкова они покинули. И он оказался на старости совсем одинок, отрезан от внешнего мира, наедине со своими рукописями, со своими и чужими книгами...

Он был одинок и в своей семье. Всегда одинок. Переходя никогда из дворянски-бюрократического лагеря в мягкий разночинно-демократической интеллигенции. Салтыков порвал со всем своим служебным, канцелярским прошлым, порвал и с чиновничьей карьерой. Но остался титул: «действительный статский советник», осталась и семья как осколок прошлого. Так создалась двойственность в жизни Салтыкова. И литературе — друг Чернышевского, Добролюбова, Некрасова, позже Михайловского, Елисеева, все на передовых постах революционной буржуазной демократии с уклоном в сторону крестьянского мелкобуржуазного социализма. А дома — светский салон, жена, которая ненавидела мелочно для «куколки» в ряде сатирических очерков, дети, тянущиеся на своими ровесниками из аристократических» семей, личные знакомства по службе, по весьма «лицеприятных». Салтыков считал себя человеком «партийным», а партия его если и не сознавала прямо с революционным направлением и народовольчеством, то непосредственно принимала к нему. Домашний же быт оставался совсем отдельный, дворянский, и разорвать с этим бытом у Салтыкова не было ни сил, ни охоты. Он имел цену своей семье, но принесли себя в жертву. Таковы были условия эпохи, ее мораль и стиль.

Салтыков писал Боровиковскому в 1883 г.:

«У жены моей идеалы не весьма требовательные. Часть дня (большую) в магазине просидеть, потом с гостями домой прийти, и чтобы дома в одной комнате много-много изюма, в другой много-много винных ягод, в третьей — много-много конфет, а в четвертой — чай и кофе. И она зовет по комнатам и всех подучует, а по временам заходит в будуар и переодевается. Вот. И боюсь, что она и детей таких же сделает... Вот сколько усилий делается, чтобы оглупить детей...» (стр. 130).

И еще позже писал:

«Еду на дачу... с величайшим отвращением, во-первых, потому что еще очень холодно, во-вторых, потому что дача модная и стоит 1.000 р. Все это супруга моя устроила. Я теперь совсем безжалостный и беспомощный человек: ничего сам не могу для себя сделать под угрозой скорби или мученья — вот она и пользуется этим. Следовало бы на цепь ее посадить, да говорит, что закона такого нет. А я от закона не прочь...» (стр. 151).

Сквозь шутливый тон прорывается явная горечь. И с такой же горечью говорит Салтыков о сыне своем Константине, которому минуло тогда 12 лет:

«Константин, хотя и умен, но ленив и разгильдяй. И слаб для своих лет» (стр. 151).

Позже, в другом письме, когда сыну исполнилось 16 лет, Салтыков пишет об его лживости.

Таково было семейное окружение. Новый материал, который дает в этом смысле «Неизданные письма», представляет особый интерес не только потому, что ярко рисует личное одиночество Салтыкова в последние годы его жизни, но и по другой, более важной причине.

Недавно умер в Ленинграде Константин Михайлович Салтыков, сын великого сатирика. Он был известен в литературе только тем, что ему завещал отец «далее всего любить родную литературу и звание литератора предпочитать всякому другому». Сын, однако, избрал дипломатическую карьеру и к литературе впоследствии никакого отношения не имел. В частности, и по правилам никакого интереса к литературному наследству своего отца.

Однако в 1923 г. при ценальном содействии Госиздата Константин Салтыков издал замечательно девственную и кроме безграмотную книжицу под заглавием «Нищеный Щедрин». Предисловие говорит о том, что Госиздат «после долгого колебания» решил издать ее. Жаль, что он все же это сделал. Еще больше надо пожалеть о том, что эта книжка попала в число литературных источников, которыми пользовались и мало почтенные и вполне почтенные авторы. Она фигурирует без всяких обязательных примечаний в библиографических списках, и имя Салтыкова-сына войдет ей авторитет достоверности. Между тем это самый скверный из всех, сплошь клеветнический и лживый произведение за счета тех, которым место не среди литературных источников биографии Салтыкова, а на свалке литературного мусора, грязных сплетен.

«Неизданные письма» решительно опровергают ряд недорных выдумок об интимной жизни и семейном быте Салтыкова.

II

Но болезнь, однако, и не семья создавали драму одиночества Салтыкова, потому что одиночество это было прежде всего литературно-политическим, а не просто личным.

Вместе с Чернышевским, Добролюбовым и Некрасовым Салтыков создавал то великое «наследство» 60—70-х гг., от которого, как известно, «не отказывались» позднейшие «ученики», революционные марксисты. В статье «От какого наследства мы отказываемся» Ленин тремя основными чертами определил это наследство: горячая любовь и крепкому правду «за всем его (подчеркнуто Лениным) порождениям в экономической, социальной и юридической области»; горячая защита просвещения, самоуправления, свободы и вообще всесторонней европеизации России; отстаивание интересов народных масс, главным образом крестьян. Впоследствии к этому буржуазно-демократическому наследству революционное народничество присоединило свои черты, — преимущественно крестьянского утопического и реакционного социализма, от которого «ученики» решительно отказались, не отрекаясь, впрочем, некоторых исторических заслуг в постановке (но не разрешении) вопросов о судьбах капитализма в России. Органом революционного буржуазно-демократического направления, в отличие от революционных народников, была в легальной печати журнал «Отечественные записки», и Салтыков как редактор представлял в нем именно ту часть «наследства», которую впоследствии приняли революционные марксисты.

Замечательно, что царское правительство чутьем правильно оценивало роль Салтыкова в журнале. Главную опасность оно видело не в народничестве «Отечественных записок», не в «социалистических» статьях, а в жучей революционно-демократической сатире Салтыкова. Разгромив «Народную волю», правительство взялось и за легальную крепость революционной демократии, за «Отечественные записки».

Чтобы оценить всю глубину книжки Салтыкова-сына, достаточно привести такое место из нее:

«Сам Салтыков был строго беспартийным человеком, и капрасно Н. С. Бржевинко... полагает, что он в конце концов сделался бы социалистом. Он стремился быть свободным в своих суждениях(?!) и, наверное, остался бы верен себе, что бы от этого ни произошло... Его и в правящих кругах не считали человеком политически опасным... У него не было вследствие этого произвольно обысков... Ему не запрещали писать, даже с интересом «почитывали»... (стр. 27).

А вот о том говорят и дополнение к материалам, уже опубликованным ранее, новые письма Салтыкова. В 1881 г. Салтыков решительно протестовал против намерения устроить юбилейное празднование его литературной деятельности. Среди причин есть такая:

«В-пятых, я не только литератор, но и журналист, человек партии. Партия, к которой я принадлежу, никакого участия в овациях не примет; затем участвовать будут люди, которым хотя и я сочувствую, но рядом с которыми по их пор не жил. Согласитесь сам, что это будет торжество довольно странное» (стр. 91).

Салтыков не был ни социалистом, ни революционером в строгом смысле этого слова. Но он все же считал себя членом революционной партии. Как писатель, как великий признанный сатирик, он принадлежал более широким кругам современного общества, но он не допускал мысли о смешении радикального крыла этого общества с либеральным на его юбилее. Отметим эти слова о людях, «рядом с которыми по их пор не жил» Салтыков. В литературе у Салтыкова был свой дом, в котором он и был до известной степени полным хозяином, и назывался этот дом «Отечественными записками» — передовым органом того времени.

Салтыков не желал жить рядом с либеральной русской литературой. Либералы это знали и платили ему той же монетой. Салтыков их презирал и зло высмеивал. Они его боялись и ненавидели. В 1883 г. Салтыков писал Гончарову по поводу торжественного празднования его юбилея (Салтыков не удостоился приглашения).

«Несмотря на мою, можно сказать, неустанную деятельность, я и до сих пор не успел завоевать себе в литературе несколько почетного места, чтобы в подобных вопросах быть сравнимым с литераторами Кони, Пантелеевым и Утиным (известные юристы Д. З.). Я в русской литературе — изгой...» (стр. 107).

В январе 1883 г. правительственные тучи сгустились над «Отечественными записками». Журналу было дано втуре предостережение. Решили подождать своей целью привести Салтыкова к полному молчанию. Полиция не решалась его арестовать и похоронить журнал, как это сделали с Чернышевским. Салтыков был слишком популярен. Суд, подло клеветал, когда пишет, что Салтыкова не считали опасным и не было воздействие этого у него обысков. В «Неизданных письмах» есть документальный материал о предполагаемом аресте Салтыкова. Жандармы собирались учинить налет на его квартиру, но министерство остановилось перед скандальным шумом, который вызвал бы арест Салтыкова. Поступили более хитро и, пожалуй, более подло.

В марте 1883 г. Салтыков писал Боровиковскому:

«... со мной другой анекдот. Представьте себе, я осужден на напечатание. Штука очень простая. Фекотистов (начальник главного управления по делам печати) самым наивным образом заявил: как только в «Отеч. записках» что-нибудь помянется Салтыкова, то сейчас же арестовать книжку. Согласитесь, что ни в каком государстве до такой простоты не додумаешься бы. А так как я не желаю похоронить журнал... то я и решился молчать. А в будущем году посмотрим: может быть, и опять придется молчать. Совсем. А мне-то наивные люди говорили, что со мной нельзя так легко поступить. Выходит, что и легко и сердито» (стр. 122).

Под этой угрозой закрытия журнал просуществовал еще около года. Затем он был закрыт.

С этого момента начинаются позднейшие муки Салтыкова, великая драма его литературного одиночества. Правительство заглушило единственный орган революционной демократии, журнал, «в котором сквозь дым и копоть цензуры светилась искра понимания задач русской жизни во всем их об'еме» (Народная воля», № 10). Этим утверждалась неограниченная монополия либеральной печати. Салтыкову оставалось либо замолчать совсем, либо искать приюта для своей сатиры в домах тех самых людей, «рядом с которыми по сих пор не жил». Он клеймил либеральный «Вестник Европы», пухлый и претый журнал Стасюлевича, «крашеным гробом», но лучше этого гроба ничего не было в русской литературе.

Либеральная печать пускала к себе Салтыкова с почтением к его имени, притягивала нему подписчиков, и со страхом. Был соблазн залучить к себе писателя, которого любила вся прогрессивная читающая Россия, и была прежде ему как к опасному, радикальному писателю.

Салтыков писал один очерк за другим. Он был неправ в самому себе, когда мотивировал свое писательство материальной нуждой. Сильнее была необходимость высказаться. В перерывах приступов болезни, чуть справясь от смертельного удушья, Салтыков садился за письменный стол, и мучительным было для него не творчество, а сознание того, что он опять, что он чужой в литературе, что на каждую его статью смотрит со страхом и редакция либерального журнала и сзинком злой сатиры он подавлял этот журнал.

После 1 марта 1881 г. реакция сорвалась с цепи. Виселицы и тюрьмы заполнялись лучших людей в стране, ряды вокруг Салтыкова непрерывно редели. Шла повальная измена среди бюрократической и народнической интеллигенции, люди каялись на литературных площадках в революционных своих заблуждениях, раскаяние был героем дня. В тени виселиц либералы чирикали о необходимости компромиссов, о политике «малых дел», о неспасительном смирении.

III

Салтыкову суждено было оставаться в «упрученном положении убежденного писателя». Это и есть драма его литературного одиночества. Великий демократ, переживший свою эпоху, он оставался великим среди либерального ничтожества. Нельзя без волнения читать письма последних лет его жизни.

Салтыков сжился от отчаяния со злой юмор. Он отводил душу в письмах к друзьям и в интимной литературе создавал сатирические миниатюрные шедевры. Некоторые были опубликованы недавно — например, отрывки из «Переписки Николая I с Поль де Кокк» (в № 1 «Литературного наследства»).

Вот еще одна из сатирических миниатюр, рассыпанных в письмах Салтыкова. Речь идет об известной в свое время семье Утиных. Отец был богатым банкиром и соблюдал строгую рентаю. Сыновья играли видную роль в других либеральной адвокатуры и литературы. Один из них, Николай, побывал даже в числе активных работников I Интернационала и переписывался с Марксом, но затем получил прощение от царского правительства и после покаяния успокоился в либерально-капиталистическом лоне.

«Что касается до того, каким образом Эмель Утин сделался христианином, то настоящая правда всей истории представляется в следующем виде: старый Исаак, побуждаемый обер-полицеймейстером к выезду из Петербурга, не решился, однако, лично понять свет истинной веры, а пожертвовал сыном Эмелем, при котором и оставил капсель посылаться в Петербург, в качестве родственника (это дозволяется). Портной-протодиакона из Казанского собора для назначения Эмеля в извозчики, не протодиакон вместо «Начатков» принес колбасу, сказав: «Дополню с тобя и этого». И когда Эмель сел колбасу, он сейчас же сам от себя прочитал «Богородицу». После второй колбасы — прочитал «Отче наш». Тогда протодиакон принес третью колбасу, почитал, что, сделав ее, Эмель прочтет «Верую», но как ни старался Эмель произнести «И во единого господа нашего Иисуса Христа» — не мог И когда принес последнюю, то вместо исповедания веры, прочитал ему «боже, царя храни». Протодиакон был крепко этим изумлен, и, сказав «Это, пожалуй, еще лучше», сел его в кухню и посадил в клику с водкой пивной! Причем оказалось, что Эмель не только обрезан, но и злотворен...

Вот после этого и составился знаменитый закон, дозволяющий при обрезании евреев допускать окончательный шаг, т. е. не требовать от них молитв в только заклинания «боже, царя храни» (стр. 102).

В этом небольшом отрывке это осмеяние и политический строй, заставляющий евреев менять веру для получения права жить в столице и других городах; и церковь православная с ее роли полицейского участка, с продажными попами; и либеральная «свободная» буржуазия, повторяя «боже, царя храни» ради возможности заниматься делом наживы. Эти сатирические лекции и письмах показывают, сколько сложности и силы еще сохраняют в писателе, которого хулили и боялись, и злонамеренный террор, и жестокое одиночество в литературе и жизни.

* М. Е. САЛТЫКОВ. Неизданные письма. 1844—1889. Редакция Н. В. Яковлева, изд. Academia. 1932.

На читателей

СЕГОДНЯ

ТО ЖЕ, ЧТО ВЧЕРА...

Без руководства

Тихвинское районное отделение общества пролетарских писателей оставлено Ленинградом без руководства. После исторического постановления ЦК от 23 апреля со стороны бывшего руководства ленинградского отделения РОПШ не последовало ни одного письма, которое ставило бы перед писателями-ударниками определенные задачи и намечало бы пути реализации постановления. На запросы районного Ленинград не отвечает.

Продолжительное бездействие Ленинграда ставит тихвинское районное отделение под серьезную угрозу развала еще далеко не окрепших низовых литературных сил. Николаевское и кашинское отделения уже развалились. Литературных материала (который должен высылать Ленинград) не высылают. Многочисленные рукописи, высланные писателями в адрес «Резцома» или консультанты, затеряны. На некоторые из рукописей ответа нет в течение полугода. Лет руководителя писателей Зверева, Андреевой и многих других).

Ленинградский оргкомитет должен немедленно помочь пролетарско-колхозным литературным силам в их перестройке. Помощь нужна систематическая и действенная.

ВЛАД. КАРСКИЙ.

Геологические изыскания поэта

Начнутся у пристани суда—
Баркасы, дунгербуки, барки, лодки.
Орет кулак. И зачалая вода
Нет-нет да набежит, нет-нет—окатит
Вечернюю подругу у руля.
Мельтешат острова, затоны, хаты,
И, шапку заломив, приветствуют поля
Торжественный поход грохочущих комбайнов
(Подарок города совхозу «Коммунар»).
Над белым вишневым пляшет лиловый пар—
Как водка, крепок, густ, как обыск чайный.
Дружат шмели. И вот, вальмяя там,
По мосту, чертыхаясь, бесенкясь
Не опознать в лисичковском берегам,
Спешит из чеховского Донбасса поезд.
Он долог потому за то, что в нем
Исполненные молодым огнем,
(Которого немало в уме скрыто),
Сверкающие тонны антрацита.

О скрытом в антраците огне еще догадывались и до Шехтера, и, возможно, этим объясняются робкие попытки употреблять антрацит преимущественно для отопления. Что же касается судьи из недр Луганска, то надо откровенно сознаться, что до этого ее на правый брег Днепра не пускали. Причин этому было много, но, между прочим, последнем служило отчасти то, что в Луганске рудных недр нет.

То же и поезд недр: в таких котлетах он впервые запоется сюда Шехтером для постройки... рифмы к луганским недрам.

Но если перебросить руду к недрам весною объявится выросшим потребностями нашим полям, то возить хлебородное зерно на правый брег Днепра, когда-то известно, что оно полнится и полностью там имеется в производстве,—везти его на левый брег к Донбассу, чтобы потом опять перевезти на правый, и все это, возвращаясь на малые сотни верст вместо через Днепр нет), когда рядом Черное море—что это? Головотяпство или вредительство?

Напрасно только Шехтер уверяет, что всегда гордился за «херсонское зерно». Я сказал бы проверенным языком Шехтера: «поэт стыдится херсонским зерном». Но тысячу раз прав поэт, уверяя, что нам еще всех этих дел полна «залежная» пашня». Запомнить... Да тут не то что помнить—галлюн кому-то запомнить за этакие грехи следует. Недаром и Аллах орет. Да взять хотя бы тот же «кедр». Я поднял, поэтам надо вооружать. Но почему для этого было за тысячи верст везти недоспелых кедр, когда тут же на «инженерных берегах» имеется прекрасная гибкая лоза?

Т.

Кто такой сценарист?

Ответить сразу на этот вопрос нелегко.

В фильмовом отделе Всероскомдрама, где выключается авторский гонорар, сценарист — это в лучшем случае обладатель трех четвертей процента по раскладному листу авторского гонорара, а худшем (а это и по 1935 — обследуется) «соавторских» по сценарию же происхождению.

На кинофабрике «кинотрикотажный втягивает сценарист — человек, дающий три сценария в год и получающий гонорар в десятки раз меньший, чем говорит «постановщик», т. е. человека, пробующего стать сценаристом и не находящегося еще в штате фабрики.

Сценарий вечно находится между Сциллой бесконечного «сценайства» литконсультантов и Харибдой режиссерской смелости, оказавшей порой творческий замысел сценариста до неузнаваемости.

Критика же вообще не замечает сценариста.

Иногда сию критика не писала о сценарии, о сценаристах. Как-будто сценарист не существует.

Сценарист в полном смысле обездолен.

Любой литературно грамотный человек обучает нам основные отличительные черты творчества многих наших писателей.

О сценаристах не знает не только зритель, но и большинство кинематографистов.

Все зрители «Броненосца Потемкин» Эйзенштейна, «Конец Санкт-Петербурга», «Мать», «Потомок Чингис-хана» Пудовкина, «Обломок империи» Эрмлера и десятки других лучших советских фильм.

Но очень мало кто знает, что автором сценария «Потомка Чингис-хана» является Анаталинова-Пучко, «Конца Санкт-Петербурга» и «Матери» — Натан Зархи, «Потомка Чингис-хана»—Брик, «Обломка империи» — Виноградская. Еще меньше знают сценариев.

Объективность сценариста, объективность самого сценария, незаинтересованность авторов и общественности в отрицательных сценариях обмена творческим опытом приводит к тому, что сценарист и сценарные задачи не являются существенными за-

Вместе того, что хорошие литературные силы не имеет с моим сценарием, снимаю с себя ответственность и прошу снять мою фамилию с картины.

И никто не считает нужным требовать отказа от режиссера, испортившего сценарий.

Сколько лет идет борьба за участие сценариста в работе постановочного коллектива?

Критикует начинает участие и рецензирует свои ошибки, писатели держат корректуру своих рецензий, а сценарист все еще борется за участие в постановке своего сценария.

Постановление ЦК от 23 апреля во многом повлияет ответственность за все звенья кинематографического труда, в том числе и за сценарий. Постановление ЦК обязывает нас к очень многому, сценарий должен стать полноценным художественным произведением.

Сценарий, как и пьеса, роман, должен иметь своего читателя. Сценарии нужно издавать, их нужно печатать в журналах и специальной прессе, их необходимо обсуждать. Наконец, сценарист обязан участвовать в творческой реализации своего сценария.

САВ РУБЕН.

Когда растут кадры

Как и везде, в «Крокодиле» готовили кадры.

О кадрах много говорили на торжественных вечерах, им посвящали прочувствованные речи.

— Вот наша смена. Талантливые, юные, смелые. Они атакуют на поле литературных сталичков, — говорил пылкий оратор, и при этом одобрительно хлопал по плечу кого-нибудь из «кадров».

В юбилейной работе было менее торжественно, но нельзя сказать, что бы плохо.

Кадры росли, обучались, подавали надежды.

Все шло хорошо.

Но... кадры выросли.

Кроме надежд они стали подарать рукописи.

Положение резко изменилось.

О рукописях отзывались хорошо. Говорили, что вещь надо напечатать, а передавали впред. зав. лит. частью Гранову.

Гранов, не читая рукописи, давал задушевные советы «сократить на 30 процентов», после чего, восторгаясь проникновенностью авторов, растравивших даже занятые, откладывал рукописи в папку с надписью «В следующий номер».

Пыска была гостеприимна и терпелива имела поступающий материал, безусловно хранил его долгие месяцы.

Когда растут кадры, им нужна практика.

Сатирические произведения печатаются не в гостиных бюро погоды, не в библиотеке МСПО, не в журнале «Мать и дитя», а только в единственном журнале сатиры и юмора — «Крокодиле».

А в «Крокодиле» нас не печатают.

Что же нам делать?

ЧЛЕНЫ КРУЖКА РАБОЧИХ-САТИРИКОВ ПРИ «КРОКОДИЛЕ»

Олимпиада самодеятельного театра

Богатые творческие силы выявляет олимпиада самодеятельного искусства. Далекие окраины требуют увеличить развертку мест для участия во всесоюзных соревнованиях.

Далеко впереди шел Ленинград. Закончившаяся на-днях шестая олимпиада показала громаднейший творческий и художественный рост движения. Первенство взял музыкальный участок. На произведениях классической музыки и современных композиторов кружки доказывали свою зрелость и творческий рост.

Слабее была представлена зрелищная программа. По сравнению с прошлым годом успели завоевать и здесь, но гораздо меньше, чем на музыкальном фронте.

Одна из основных причин замедленного движения вперед зрелищных форм художественной самодеятельности—это слабость репертуара. Он находится на низком художественном и идейном уровне. Ленинградцы, бьющиеся за высококачественные произведения, в частности малых форм, особенно это почувствовали в своей сегодняшней практике.

На последнем заседании оргкомитета всесоюзной олимпиады, обсуждавшем ход смотра, зал, газовый искусства культсектора ВЦСПС т. Розенцвилл привел такой факт: коллектив АМО играл «Дружную горку» 25 раз. Надоель. Дали заказ на новую пьесу. Автор (машинистка) с заданием не справился. Пришлось писать самим. В положении самодеятельного искусства—многие заводские коллективы самодеятельного искусства.

Одна из задач олимпиады — борьба за боевой художественный репертуар. Его должны дать растущие кадры самодеятельного искусства и профессионалы-писатели. Пока что на этом участке дело не налажено. Писатели, в частности драматурги, в смотре участвуют слабо. Литературные кружки в олимпиаду начали вовлекаться с опозданием. Словом, упор на полноценный репертуар еще не сделал, что подтвердилось шестой олимпиадой Ленинграда.

Ход смотра в Москве показывает, что качеству репертуара должного внимания тоже не уделяется. Доля вины в этом есть и у оргкомитета по проведению олимпиады, который не сумел привлечь к смотру широкую литературную общественность и в Москве и на местах.

Не уделяет нужного внимания олимпиаде и литобщественность. Выделенные представители свели свою роль только к оценке смотрового репертуара. Этого мало. Передача опыта и помощь самодеятельному искусству — вот главная задача всей литобщественности и каждого писателя.

Опыт по прикреплению и работе писателей к кружкам художественной самодеятельности по линии ВССП и Всероссекомдрама (секция малых форм) имеется. Его надо использовать.

Б. М.

Встреча олимпиады

К моменту открытия первой всесоюзной олимпиады самодеятельного искусства оргкомитетом будет издана библиотечка. В нее войдут брошюры: «Задачи XVII партконференции — задачи художественной самодеятельности» (автор т. Литовский), «Пути развития профессионального и самодеятельного искусства в свете решений ЦК партии от 23 апреля» (автор т. Боярский), «Таланты и герои массовой художественной самодеятельности» (по материалам олимпиады — вступительная статья М. Горького) и др.

В первой половине июля намечено провести творческие дискуссии и производственные совещания. Две дискуссии будут посвящены вопросам освоения и переработки культурного наследства. В одном из производственных совещаний примут участие члены Всероссекомдрама.

Для художественного актива во второй половине июля будет передано по радио 10 бесед. Широкая, массовая работа развернется среди участников олимпиады. Для них будет прочтен цикл лекций на тему «Борьба за диалектико-материалистический творческий метод».

Организуется консультация по творческим и художественным вопросам. Ее будут вести режиссеры, драматурги, композиторы, художники и искусствоведы.

***

Почетным председателем оргкомитета по проведению всесоюзной олимпиады самодеятельного искусства избран М. ГОРЬКИЙ.

Управление культуры при Госплане СССР

При Госплане СССР организовано Управление культуры, в состав которого войдут сектора науки, искусства, и массового просвещения. Начальником управления назначен зам. пред. Госплана т. В. Милютин.

Наши бойцам— нашу песню

В условиях нарастания военной опасности красноармейская песня, воспитывающая бойца, приобретает огромное значение.

Между тем, до последнего времени красноармейской песне не уделялось должного внимания ни со стороны литературных, ни со стороны музыкальных организаций. В РАПП и РАПМ имело место недооценка и пренебрежительное (иногда «левацко-культуристское) отношение к красноармейской песне. Слабо работал над красноармейской песней и Музгиз. Явно недостаточной была и локафовская мобилизация поэтов и музыкантов.

В результате всего этого, значительная часть красноармейского песенного материала по своему художественно-идеологическому уровню не отвечает задачам и требованиям Красной армии. Красноармейский песенный репертуар в большой своей части отстает от классовых задач Красной армии и не отражает своим содержанием ее социальной специфики. Больше того, мы можем наблюдать проникновение в красноармейскую песню чуждых влияний, мотивов «шарлатанства», элементов аполитичности, баталеизма и обывательщины.

Другой недостаток песенного материала заключается в абстрактности многих песен, которые вследствие этого носят характер лишь зарифмованных лозунгов и не насыщены ни художественными образами, ни элементами лирики, ни героическим пафосом. Сила художественно-политического воздействия красноармейской песни намного ослабляется также вследствие чрезвычайной бедности их сюжета. Содержание многих песен снижается до уровня технических инструкций по боевой подготовке, до географической терминологии, до голого перечисления тех местностей, по которым идут с боями те или иные воинские части.

Не менее существенны недочеты красноармейской песни с точки зрения ее музыкального оформления. Музыка строевой песни обычно или туго-ограничена или не отвечает требованиям строевого такта, вследствие чего она не организует, а затрудняет движение, строевую хольбу.

В отдельных случаях в песню включается чисто оперточные мотивы, диссонирующие ее содержанию и не отвечающие целям культурно-политического воспитания красноармейских масс.

Вследствие отрыва работы поэтов от работы композиторов нередко имеют место полный разрыв и несогласованность между текстом и музыкой. Бывает так, что при наличии хорошего текста мы имеем весьма низкую по качеству и не соответствующую содержанию музыку. Бывает и другое: в чрезмерно усложненной и малоудачной мелодии нельзя уловить литературного текста. Такая же дисгармония наблюдается и в самодеятельных песнях, которые, будучи новыми по содержанию, поются иногда на старые мотивы солдатских песен или буржуазно-мещанских романсов.

Наконец, необходимо отметить недостаточное изучение красноармейской самодеятельной песни для расширения и увеличения песенного репертуара за счет наиболее ценного в художественно-идеологическом отношении устного песнетворчества.

Подчеркивая всю глубину отставания песенного материала от требований обороны страны и социалистического строительства, недавно состоявшееся производственное совещание при МосОКАФ наметило ряд конкретных мероприятий, которые МосОКАФ проводит в жизнь.

Так, например, совместно с Музгизом критически мобилизация поэтов и композиторов, работающих в области красноармейской песни. В эту мобилизацию включились поэты А. Гидаш, В. Сурков, С. Щипачев, В. Гусев, М. Голодный, А. Ситковский, А. Ромм, Болотин, Френкель и композиторы Буглай, Коваль, Компанеец, Форре, Шехтер и др. Уже сформированы совместные творческие бригады поэтов и композиторов.

Для ознакомления со спецификой красноармейской жизни и быта эти творческие бригады прикреплены к определенным частям московского гарнизона. Каждая бригада обязалась составить по одной песне, отображающей историю данной воинской части, и по одной строевой песне (применительно к роду оружия данной части).

Локафовский актив должен включиться в работу ПУР по собиранию и обработке красноармейской самодеятельной песни.

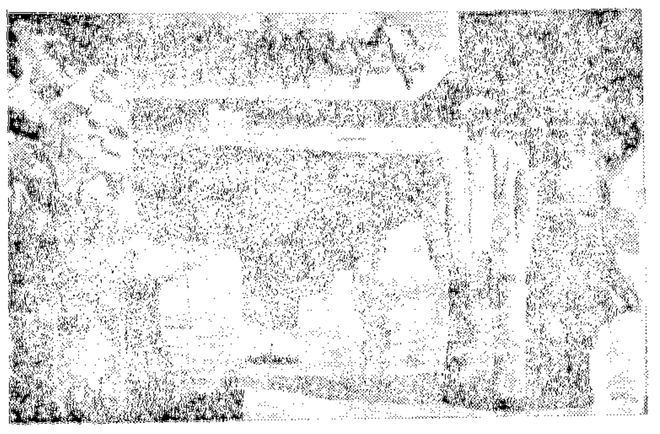
Музгиз уже взял на себя обязательство организовать систематическую консультацию по вопросам красноармейской песни, а также систематически проводить производственные совещания, на которых будут прослушиваться музыка и текст новых песен как до сдачи их в производство, так и после выхода их в свет. Перед ПУР поставлен вопрос об организации при ЦДКА музыкально-вокального ансамбля-лаборатории. Этот ансамбль должен демонстрировать хоровое исполнение песенного материала.

Осуществление всех этих мероприятий должно обеспечить создание песен, отвечающих требованиям и задачам обороны советской страны в условиях враждебного империалистического окружения.

Л. БЕРЕЗОВ.

„Кто-кого"

Картина художника Дейнека



Картина художника Дейнека «Кто—кого», которую он сейчас закончил для выставки к XV годовщине Октября, привлечет к себе всеобщее внимание и вызовет, несомненно, немало споров.

Не говоря уже о том, что Дейнека взялся за ответственную и важную тему, он одновременно подошел к очень сложной композиционной проблеме повествовательно-эпического развертывания сюжета в картине. Но вместо того, чтобы эту проблему решить живописно, т. е. методом разрешения живописной сложности, он ее решил механически, путем простого монтажа или механического сложения отдельных самостоятельных картин.

Художник Дейнека, помимо композиционной проблемы, поставил и целый ряд других чрезвычайно сложных живописных проблем: об условности пластического образа, об относительности живописного выражения, о границах и возможностях живописи, об ограниченности живописной плоскости и т. д.

Дело в том, что живописная плоскость сама по себе ограничена своей двумерностью, и нам нужно на ней—при объемной трактовке каждого реального мира—передать пространство и трехмерность, т. е. три измерения предметов, определяющие с своей стороны и различие плоскостей в картине, и перспективу, и пространство.

Давая на одном полотне, на одной плоскости, четыре различных картины, художник должен был, естественно, трактовать их так, чтобы каждая по-своему делала свою глубину, свое пространственность, и поэтому каждая по-своему, как говорят на языке художников, «рвет картину», или дырявит полотно.

Каждая картина как таковая, из каких бы элементов она ни строилась, должна быть композиционно спаяна и представлять собой органическое единство, чтобы и сюжет, и пластическая, и цветовая композиция представляли собой одно целое.

Кроме того, поскольку станковая живопись реалистической объемной трактовки, ввиду своей статичности и «отрешенности» не допускает повествовательного эпического развертывания сюжета, старые мастера прибегали в таких случаях к условному членению, создавая триптихи, четырехчасти и т. д., где каждая картина представляла собой самостоятельное целое во времени и пространстве. К такому же способу, несколько расширенному, прибегали и русские живописные мастера в иконах, строя вокруг основного лика или сюжета клейма с изображением отдельных эпизодов. Но и в этом последнем случае они по декоративно-орнаментальному принципу создавали композиционное единство для легкости восприятия.

Но и в этом смысле художник Дейнека не довел своего задания до конца и не сумел композиционно так расчленить свои эпизоды, чтобы они логически «цепляли» один за другим и легче воспринимались: зрителю трудно решить, с какого конца начать — сверху вниз или наоборот.

Можно, конечно, отказаться от этого единства времени и пространства в картине, но тогда нужно обратиться к приемам монументальной фресковой живописи или к образцам плоскостной живописи Востока с ее отчасти идеалистической, отчасти схематической трактовкой действительности и декоративно-орнаментальной композицией или еще к египетским изваяниям с их многосложными декоративными и наивными условностями.

Можно, наконец, указать на этапные примеры нашего самодеятельного искусства и, в частности, на картины превосходного грузинского мастера Нико Пиросманашвили, строящиеся вне единства времени, но и тут художники обходят по незнанию «законы» и опыты прошлого, все же решают плоскость в определенной композиционной связи, выводят свою композиционную идею и трактуют картину как единое декоративное целое по цветовым ли пятнам или линейно-ритмическим отношениям.

И художники, в общем упрекнуть никак нельзя, имеют, конечно, свои права на существование, но тогда художник должен твердо про себя решить, какую из них он выбирает. Дейнека постоянно колеблется между двумя формами художественной трактовки: плоскостной и объемной, между живописной и графической.

Прекрасный рисовальщик, он зачастую сползает к графической схематизации, не стараясь углубить своих больших живописных возможностей.

В анализируемой картине есть замечательные куски, как, например, в группе рабочих с правой стороны, открывающие в Дейнеке подлинного живописца с большим осуществленным формам и цвета, но и тут он тоже ввел в единое графические пятновины, которые нарушают их цельность.

Я не вечерних в полезны тех проблем, которые вызывает картина Дейнека «Кто—кого».

Дейнека — один из лучших советских художников, которые наиболее близко подошли к пролетарскому искусству. Его картины «На защиту Петрограда» и «Интервенты» отмечают серьезные этапы в эволюции советской живописи.

Не увидан в своей новой картине формы и содержания, не вмещали все призмы, которые бы дали ему возможность раскрыть полностью замысел, он, к сожалению, со своей задачей никак не справился. Его картина не решает «кто—кого», а только констатирует определенные факты: «Взятие Зимнего дворца», «Разгром белых», «Период войн», «Индустриализация страны».

Сейчас, при необычайном росте нашего социалистического строительства и ликвидации пережитков капитализма в городе и деревне, такой регистрации фактов недостаточно.

Но если т. Дейнека со своей главной задачей не справился, то он все же поставил целый ряд очень важных на данном этапе вопросов живописи, одинаково существующих о его большом творческом росте, огромном интересе к жизненной проблематике и развитию нашего искусства. И в этом уже его заслуга достаточно велика.

СЕРГЕЙ РОМОВ.

На засыпку „4 завершающий"

3.943.535 РУБЛЕЙ ДАЛИ ЗРЕЛИЩНЫЕ ПРЕДПРИЯТИЯ МОСКВЫ.

По зрелищным предприятиям Москвы и Московской области подписка на заем в основном закончена. Из 139 только 10 предприятий, сотрудники которых находятся в отпуску и гастрольных поездках, остались не охваченными подпиской. Из 129 предприятий — 53 дали от 105 до 175 проц. месячной зарплаты. Из 25.942 человек, работающих на зрелищных предприятиях Москвы, на заем подписалось 21.945. Месячный фонд по Москве — 3.800.000 рублей. Подписка дала — 3.943.535 рублей.

15000 рублей за выдающийся научно-исследовательский труд

Первое—представлять собой оригинальный вклад в мировую науку, второе—содействовать освобождению Советского союза от иностранной зависимости, третье—содействовать скорейшему разрешению основных проблем социалистического строительства и четвертое—помочь укреплению обороноспособности СССР. Ввиду научно-исследовательский труд отвечает одному из этих требований, он премируется от 5 до 15 тысяч рублей.

Комиссия содействия ученым при Совнаркоме СССР учредила 7 премий, которые будут вызваны за лучшие труды, изданные в текущем и предыдущем году в СССР, а за неопубликованные рукописи (на любом языке). Авторами могут быть граждане любой страны. Труды принимаются премиальной комиссией КСУ до 15 августа.

Рабочий литературный университет

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.). Президиум оргкомитета ленинградского союза советских писателей принял решение об организации в Ленинграде рабочего литературного университета. Новый рабочий литуниверситет предполагается организовать на базе литературного университета б. ЛАПП и рабочей мастерской Всероссекомдрама. РЛУ, по мысли писателей, должен находиться в ведении облгорфсовета. Силы советских писателей будет принимать самое деятельное участие в идейно-методическом руководстве университетом.

При обсуждении этого вопроса ряд писателей (М. Козаков, Н. Никитин, Я. Калнынь и др.) указали на неверность установки ленинского университета, ставившего только массовых организаторов массового литературного движения. В новом университете необходимо уделить больше внимания технологии литературного творчества. Университет должен стать центром повышенной литературной учебы для растущих кадров рабочих-писателей.

В общих чертах разработанных президиумом оргкомитета, предполагается создание в университете ряда отделений: литературно-творческого, драматического, сценарного, кружководческого и т. д. Подробно разработать проект РЛУ поручено комиссии под председательством Вас. Саянова.

Планы ГИХЛ

Бумажные ресурсы, которыми располагает ГИХЛ, позволяют выполнить по секторам нефиниски план ближайших кварталов.

Если в истекшем квартале из-за недостатка бумаги приходилось прибегать к сокращению тиражей и соединению двух номеров журналов в один, то в третьем квартале будет сохранен почтовый листаж журналов, а также будут выпущены все приложения к «30 дням», не выходившие с начала года.

Увеличение листажа позволит ликвидировать задолженность журналов авторам и повысит авторский гонорар по «Красной нови» и «Октябрю».

Группа журналов, которые по постановлению сократятся, будет сдана в один журнал, временно запрещена выпуском до своевременного выполнения плана, объема и тиража нового журнала.

5 и 6 номера «Пролетарского Ленинграда» находятся в производстве и выйдут своевременно. Издательство предполагает выпустить также 7-8, а может быть, и 9 номера журнала.

„Литгазеты"

В 29 номере «Литературной газеты» наш ленинградский корреспондент сообщал о безобразном распространении ленинградских журналов, имеющих всесоюзное значение, в частности, журнала «ЗВЕЗДА».

В ответ на это сообщение редакция получила от Союзпечати уведомление, что отделению Союзпечати в Ленинграде послано специальное письмо, в котором предлагается совместно с заинтересованными организациями составить и прислать в Москву список ленинградских журналов, имеющих всесоюзное значение. Ленинградскому отделению предложено также обсудить и прислать свои предложения, которые были бы направлены к резкому улучшению постановки распространения по СССР ленинградских журналов.

Вместе с тем Союзпечать обратилась в Книготорговому об'единению РСФСР с просьбой дать указания его ленинградскому отделению о необходимости активного участия во всей этой работе.

Хроника театра

В ТЕАТРЕ ИМ ВАХТАНГОВА

Труппа театра им. Вахтангова уходит в отпуск. Театр закрывает три бригады в районы. Одну—для обслуживания частей Красной армии, другую—в Сибирь, в Минусинский район, где находятся переселенцы Днепростроя, и третью в Северный край на лесозаготовочное строительство. Сезон в Москве начнется 16 августа. Постановка спектакля — «Егор Булычев» М. Горького. Режиссер—Н. Г. Антокольский. А. Д. Кожевников и О. Н. Басов. Художник—В. В. Дмитриев. В ближних ролях заняты—Щукин (Булычов), Минкурова, Русланов, Алексеева, Рутникова, Андреева, Захарова. Начнутся спектакли в начале сезона с пьесой Горького «Враги». Спектакль поставлен режиссером С. Мориканом, художник М. Левин, музыка Дешевова. Из находящихся в репертуаре спектаклей Гоголь «Ревизор» (Осипа), Брешицкий (Рубинчик), Загорцев (Сенина) и др.

В ГОСЕТ

15 июня московский ГОСЕТ закончил гастроли в Баку. Театр дал 30 спектаклей, концертных с большим успехом. Были организованы выезды на нефтепромыслы, на нефтеперегонный завод им. Ленинградцев, на судостроительный завод им. Шмидта и на предприятия города. На заводе им. Шмидта театр провел большую работу по организации ОПТПочин. 5 июня состоялся спектакль в ГОСЕТ Локшай т. Михоэлса «Пути национальных театров СССР» вызвал оживленный обмен мнений.

ГОСЕТ связался с национальными театрами столицы Азербайджана. На организованном совместном рабочем общественность Баку продемонстрирует культурные завоевания. Вспомогательные театральные мастерские ОДЕТ и других организаций изъявили желание, чтобы ГОСЕТ и в будущем выезжал в свои гастрольные поездки столицу красного Узбекистана-Бухару.

17 июня московский ГОСЕТ начал свои гастроли в Харькове.

***

❖ МХАТ I открывает сезон 1 сентября. В предстоящем сезоне будут показаны «Таланты и поклонники» Островского (режиссер М. Н. Литовцева, художник Н. П. Крымов), «Мольер» М. Булгакова (режиссеры Горчаков, Лишин и Булгаков), «Разгибайбога» Н. Эрдмана (постановка М. Г. Сахновского и Т. А. Мордвинкиной), «Мастер Пименте» (специальная пьеса по Диккенсу Евангеловой и Гариной) и «Вечер Горького» (отрывки из произведений «Детство», «Страсти-мордасти», «Мать», «Хозяин»).

❖ «Война за мир» — пьеса Новиченка и Рыса и «Экспресс Мадагаскар—Рига»—пьеса Фурманского пришлось к постановке театром Ленсовета. Кроме того, эти театры ищут пьесы Н. Никитин, А. Зиновьев, Сереброва и Гарина.

❖ Зимний сезон в ленинградском Большом драматическом театре закончился премьерой пьесы Н. Зархи «Дядя-страх» («Улица трусов»). Постановка встречена рабочей аудиторией и театральной критикой большим и интересным отзывом. Спектакль ставит режиссер С. Мориканц, художник М. Левин, музыка Дешевова. Из находящихся в репертуаре спектаклей Лавренев «Сорок первый» (Осипа), Брешицкий (Рубинчик), Загорцев (Сенина) и др.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
Москва, Тверской б., 25, Дом Герцена, 3 этаж.
Телефоны:
Секретариат 1-39-53.
Отв. секретарь 2-80-12.

АДРЕС ИЗДАТЕЛЬСТВА:
Журнально-газетное об'единение: Москва, 6, Страстной б., 11. Телефон 5-51-69.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА НА 1932 Г.
На 12 м.—6 р. — к.
На 6 м.—3 р. — к.
На 3 м.—1 р. 50 к.

Рукописи не возвращаются.

Ответственный редактор С. ДИНАМОВ.

ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное об'единение

ВЫШЛА И НА-ДНЯХ БУДЕТ РАЗОСЛАНА ПОДПИСЧИКАМ

ТРЕТЬЯ КНИГА

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

МАРКС И ЭНГЕЛЬС О ТРАГЕДИИ ЛАССАЛЯ «ФРАНЦ ФОН ЗИКИНГЕН» (Предисловие редакции «Литературного наследства» Г. Лукача).
ЗАПРЕЩЕННЫЕ ЦЕНЗУРОЙ ТЕКСТЫ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО.
Н. Г. Чернышевский о капитализме, крестьянском строе, самодержавии и революции.
В. Чернышевский о законопослушном поведении и классовой борьбе (из Укромного. III. Неизданные места из статей Чернышевского о Пушкине).
Предисловие редакции «Литературного наследства», комментарии М. Нечкиной, В. Кельчевского.
И. А. ДОБРОЛЮБОВ. «ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ ХОЛЕРА».
Предисловие Б. Реизкова «Литературный Робеспьер»; комментарии К. Федорова.
В. А. СЛЕПЦОВ. «СЕМЬЯ И ПОЛИЦИЯ».
Предисловие М. Горького; подготовил К. Чуковского.
Ф. М. РЕШЕТНИКОВ. ДНЕВНИК.
Предисловие и комментарии И. Вевелера.
КОЗЬМА ПРУТКОВ. НЕИЗДАННЫЕ И НЕСОБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ.
(I. Предисловие. II. Выписки из записок моего дяди. III. Проект о введении единомыслия в России (первоначальный вариант). IV. Мысли и афоризмы. V. С того света)
Предисловие Л. Заславского; комментарии И. Беркова.
Л. Н. ТРИФОНОВ. НЕИЗДАННЫЕ СТИХИ И АВТОБИОГРАФИЯ. (I. Александр III и мой Иван II. (Без заглавий). III. Кровавый пятак. IV. Душа-человек. V. Конституция. VI. Хлебопечка. VII. Пчела. VIII. (Без заглавия). IX. Музей-генералам. X. Биография Л. Н. Трофолева, написанная им самим. Предисловия и комментарии А. Ефремина.

ОБЗОРЫ И СООБЩЕНИЯ

«ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО». Обзор. И. Фроловой.
СУДЬБА ЛИТЕРАТУРНОГО НАСТЕСТВА Н. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА. Обзор О. Мокашовой.
СУДЬБА ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДСТВА Ф. М. РЕШЕТНИКОВА. Обзор И. Вевелера.
ПИСАТЕЛИ И РЕВОЛЮЦИЯ. Обзор М. Клевенского.

ХРОНИКА

В ИНСТИТУТЕ МАРКСА—ЭНГЕЛЬСА—ЛЕНИНА.
Г. Тихомиров. Единый партийный архив. В. Семенов. Собрание сочинений Маркса — Энгельса—том. X. И. Сенчихинский. Собрание сочинений Ленина—том XXVIII (письма Ленина 1895—1900) Н. Крутиков. Ленинские сборники—XX том.
ЗА СОЗДАНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЛИТЕРАТУРНОГО МУЗЕЯ В МОСКВЕ.
В. Бонч-Бруевич. Первые шаги Центрального литературного музея. М. Серебровский. Перевод Елагинского архива в Москву.

В ПОМЕРЕ 360 стр. и 95 ИЛЛЮСТРАЦИЙ.
Цена отд. номера 5 р. 50 к.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:
2-я часть издания — с № 1—6 г. 10 р. 50 к.
1-я часть издания выполнена почти стью. ЖУРГАЗОБЪЕДИНЕНИЕ.

Открыт прием в ТЕА-ВУЗ при театральном комбинате.

МАЛ. КИСЛОВСКИЙ ПЕР., Д. № 4.

В ТеаВУЗе имеются 3 факультета:

1. Режиссерско-педагогический, готовящий:

а) высококвалифицированных режиссеров профессионального театра; б) педагогов по режиссуре и мастерству актера.

2. Директорский факультет, готовящий директоров театра, заведующих секторами УМП и т. д.

3 Театроведческий факультет имеет два цикла: драматургический и научно-теоретический.

Научно-теоретический цикл: готовит: а) заведующих литературно-репертуарной частью театра; б) театрального критика публициста; в) педагогов-театроведов; г) научных работников в области театра.

Драматургический — драматургов больших и малых форм.

Срок обучения — трехгодичный, требуется образование не ниже 9-летки.

Приемные испытания с 25 августа.

Прием заявлений с 15 июня до 15 августа.

ДИРЕКЦИЯ.

Уполн. Главлита Б—28236. Печ. л. 9. Тираж 30 000 экз. Заказ (39) изд. «Мосполиграф», пр. им. Сворова-Степанова, д. 1.